

ТВЕРСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА:

Безъ пересылки 4 р. 50 к.
съ пересылкою 5 р. 50 к.

(Неофициальная часть).

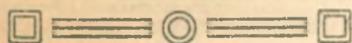
№ № 51—52.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИ

Епархіальныхъ Вѣдомостей

мѣстныхъ благочинныхъ.

31 Декабря 1917 года.

Въ недѣлю о Закхѣ, свѣщ. А. Петропавловскаго, По поводу гоненій на духовенство, В. М. Архіерейская ревизія (окончаніе), В. Ильинскаго, стих. Чудяна, Чти старыхъ, К. Мошина, Компасъ, Молитва прот. Менстрова, На день Срѣтенія Господня, Петропавловскаго, Родина стихот. М. Егорова, О томъ какъ дьяволъ изобрѣлъ карты, Новый годъ, стих. Клягина, Лѣтосчисленіе, П. Т. Воскресенскаго Календарная замѣтка Его же, Изъ жизни школьныхъ кружковъ трезвости Елабужскаго братства.

ВЪ НЕДѢЛЮ О ЗАКХѢ.

(Противъ современныхъ насилій и безчинствъ.)

Закхей мытарь былъ богатъ. Богатство было имъ нажито неправдами, обидами, жестокосердіемъ. И какъ мудро онъ поступилъ, что подъ влияніемъ благоснисхожденія къ нему Господа, отъ мамоны неправды сотворилъ друзей себѣ, объявивъ раздать половину имѣнія нищимъ и обиды возмѣстить вчетверо (Лук. 16, 9. 10; 19, 8)! Этимъ своимъ рѣшеніемъ онъ избавилъ себя отъ душевной гибели (Лук. 19, 10). Бр. Хр! Обижать другихъ, отнимать ихъ достояніе, это—несоборазно съ положеніемъ человѣка въ мірѣ. Можно ли забыть ему это свое положеніе? Что онъ такое? Человѣкъ не такое совершенное созданіе Божіе, чтобы онъ былъ самодовлѣющимъ, чтобы могъ обходиться безъ посторонней помощи. Развѣ можно забыть опредѣленіе Божіе: *не добро быти человеку единому, сотворимъ ему помощника по нему* (Быт. 2, 18)?

Человѣкъ безъ помощи другихъ, подобнымъ ему ничтоженъ, слабъ, жалокъ. Безъ этой помощи жизнь его полна всевозможныхъ тяжелыхъ положеній. Одержимъ человѣкъ, на примѣръ, недоумѣніями, сомнѣніями. Чтобы освободиться отъ нихъ, ему, нуженъ добрый совѣтникъ, иначе онъ испытываетъ внутреннія мученія. *Спасеніе ми есть во могомъ советѣ* (Прит. 11, 14), говоритъ слово Божіе. Онъ боленъ; нѣтъ съ нимъ никого изъ людей. Кто ему подастъ напитокъ для утоленія жажды? Кто послужитъ въ другихъ его нуждахъ?.. Домашнее животное упало въ яму. Какъ одному извлечь его оттуда? А многія работы, напр., устройство жилищъ и разныхъ зданій, земледѣліе, перенесеніе тяжестей совершенно невозможны

для силъ одного. Вообще жизнь человѣка слагается такъ, что ни въ семьѣ, ни обществѣ или государствѣ одинъ жить не можетъ.

Апостолъ Павелъ ставитъ каждого отдѣльнаго человѣка въ положеніе члена живаго челоувѣческаго тѣла—организма. Каждому члену Создателемъ назначена опредѣленная область дѣйствій на общую пользу тѣла; глазамъ видѣть, ушамъ слышать, носу обонять и проч. И только при условіи согласія всѣхъ отдѣльныхъ членовъ тѣло здорово и благополучно. И болѣе совершенные члены имѣютъ большее попеченіе о менѣе совершенныхъ (1 Коринѣ. 12, 14—25). Все челоувѣчество это сложный живой организмъ. Каждый отдѣльный человѣкъ—членъ этого организма и долженъ жить и служить на общую пользу. Въ настоящее время въ членахъ организма—Русскаго государства замѣтна и великая рознь и несогласіе. Отдѣльные члены его блѣдуютъ только свои выгоды. Когда одни работаютъ на общую пользу, другіе отказываются отъ работы, а для удовлетворенія своихъ нуждъ, обращаются къ постыдному средству—отнимать чужое достояніе ложно, обманомъ, воровствомъ, грабежами, убійствомъ. Такія постыдныя дѣйствія примѣняются даже во дни общественныхъ бѣдствій: пожара, голода, войны. Что творится нынѣ на пространствѣ нашего отечества, когда продолжается война, грозящая потерю государственной самостоятельности? Мирные жители предаются грабежамъ и разбоямъ, а части войскъ отказываются идти на врага. Призывы къ спасенію родины не находятъ откликовъ. Многіе заботятся только о своей ру-

башкѣ, близкой къ тѣлу; и когда одни стараются разбогатѣть насчетъ нуждающихся въ самомъ необходимомъ, другіе—какъ напр. воины, спѣшатъ возвратиться къ своимъ семьямъ. Какой великій позоръ! Неразумныя животныя при грозящей бѣдѣ не такъ поступаютъ. Они, не имѣя разума, по влеченію только природнаго чувства сохраненія, почуявъ волка или другого какого звѣря, смыкаются, вѣтаютъ въ кругъ, и каждое изъ нихъ готово нанести ударъ нападающему звѣрю. Они не разбѣгаются въ разныя стороны, не ищутъ въ бѣгѣ спасенія, но спасаютъ себя въ совокупномъ огражденіи звѣря.

А у насъ—на Руси что творится? И кѣмъ? разумными оуществами, вѣрующими во Христа, не чуждыми образованія. Насъ и нависающая опасность гибели не соединяетъ, не сплачиваетъ, а еще смѣльнѣе рознитъ, дробитъ. Мнѣ бы одному быть сохраннымъ, а до прочихъ какое мнѣ дѣло? помышляеть русскій гражданинъ. И положеніе нашего отечества таково, что изъ него не могутъ найти выхода. Это создано нашимъ равнодушіемъ къ благополучію другихъ и въ частности къ нашему отечеству.

Наша православная вѣра такъ ли учитъ поступать? *Не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ*, (Филип. 2, 4) учитъ она. А нашъ Спаситель Христосъ Господь не подалъ ли намъ примѣръ самоотверженнѣйшаго служенія общему спасенію всѣхъ людей? Вѣдь Онъ не усу-

мился Своею пречистую кровь лить на крестѣ за спасеніе міра и обновленіе.

Ужели для насъ мало побужденій служить общему благу, если этого требуетъ наша вѣра, если влечетъ къ этому Христосъ? Всякъ не желающій въ своемъ собратѣ видѣть содѣйственника своему спасенію, хочешь ли знать: если ты не съ нимъ и не за него, то и Христосъ тебѣ не Спаситель? Христосъ установилъ такой порядокъ, что каждый изъ насъ, только пребывая въ союзѣ любви со всѣми вѣрующими, можетъ получать дары благодати во свое спасеніе. Отъ Христа—источника спасенія и главы Церкви мы можемъ получать спасающую благодать только при сліяніи любовью со всѣми вѣрующими. Нѣтъ этого сдѣлленія, происходить полный разрывъ со Христомъ, и такъ благодать не дойдетъ до разобщеннаго съ Нимъ—

Ужели истина Христова ученія не касается нашихъ умовъ и примѣръ Христа не трогаютъ нашихъ сердець? Ужели во Христѣ мы перестали имѣть Спасителя? Должно быть такъ! Волна противохристіанскихъ лжеученій давно двинулась на русскихъ людей и многіе увлечены были ею; не давъ себѣ труда разобраться въ томъ, есть ли правда въ распространяемыхъ ученіяхъ, они слѣпо повѣрили имъ. Но вѣдайте совершенно: борьба и насиліе однихъ надъ другими не дадутъ благоустройства жизни. Это дьявольское ухищреніе; это губительнѣйшій ядъ. Только любовь созидаетъ, а борьба, насиліе и вражда разрушаютъ самыя основы жизни. Свящ. А. Петропавловскій.

По поводу гоненій на духовество.

Буря февральской революціи, взбудораживъ житейское море, многихъ выбросила на мель. На мели оказалось и духовество. Всюду заговорили, что духовество не сочувствуетъ новымъ порядкамъ, что оно не хочетъ и не можетъ идти рука объ руку съ народомъ, что прежній государственнй строй духовеству болѣе милъ, что духовество, какъ іудей на развалинахъ Іерусалима, плачетъ о погибшемъ царствѣ и т. д. Хотя въ защитѣ духовества и раздаются голоса, впрочемъ, довольно слабыя и рѣдкія, тѣмъ не менѣе духовество продолжаетъ оставаться у всѣхъ въ подозрѣніи: народъ ему слабо вѣритъ, къ голосу его не прислушивается. Для духовества создано трагическое положеніе. Оно, сплошь и рядомъ единственно культурный элементъ въ деревнѣ, теперь готово было работать, не покладая рукъ, но ему не вѣрятъ, въ лучшемъ случаѣ его сторонятся, въ худшемъ же ненавидятъ и гонятъ отъ себя.

Гдѣ же причина столь печальнаго положенія духовества въ переживаемый моментъ? Какъ могло сложиться такое ненормальное отношеніе къ нему народа?

Въ № 25 „Вѣдомостей“ помѣщена небольшая статейка подъ заглавіемъ: „Кого винить?“ Въ ней авторъ—священникъ имѣлъ мужество во всеуслышаніе заявить, что въ создавшемся враждебномъ отношеніи народа къ духовеству виновато само же духовество, и совѣтуетъ своимъ собратьямъ пзмѣнить „линію поведенія“, чтобы возстановилось необходимое довѣріе и живая связь между духовествомъ и мірянами. Осмѣливаемся и мы остановиться на этомъ вопросѣ, напередъ оговариваясь, что въ данномъ случаѣ нами руководитъ добрая цѣль, а не желаніе кого-то

упрекнуть, кого-то поучать. Спаси Богъ! Дѣло въ томъ, что погрѣшности одного бывають болѣе примѣтны другому, постороннему. И напомнить духовеству объ этихъ его погрѣшностяхъ во всякомъ случаѣ не вредно. Быть можетъ, духовество остановится своимъ вниманіемъ на затронутѣмъ нами вопросѣ, поразмыслитъ, сознаетъ свои вольныя и невольныя прегрѣшенія, убѣдится, что оно въ данный моментъ не можетъ умыть руки въ своей невинности предъ народомъ, а это сознаніе и признаніе побудитъ его измѣнить „линію поведенія“, результатомъ чего и явится желательное сближеніе и объединеніе духовества съ мірянами.— Постараемся быть краткими и коснемся изъ пастырской жизнедѣятельности только самаго существеннаго.

Существуетъ одно остроумное, хотя и обидное для духовества, изреченіе, принимаемое св. Дмитрію Ростовскому: „прежде были сосуды деревянные, да попы золотые, а теперь сосуды золотые, да попы стали деревянные“. Чтобы понять это изреченіе, нужно перенестись мыслями давно минувшимъ временамъ. Убоги были сельскіе храмы на Руси въ старину. Не блистали они золотомъ иконостасовъ и утвари; деревянные чаши, деревянные вѣнцы, крашенныя ризы, желѣзныя била, даже свѣтъ лучины вмѣсто свѣчи и берестяныя книги, какъ это было у преп. Сергія. Вотъ весь внѣшній блескъ, все богатство древне-русскаго храма. Но тогда не было того „паралича Церкви“, о которомъ говорятъ теперь. Къ этимъ убогимъ храмамъ тянулась вся тогдашняя Русь, бывшая дѣйствительно святою. Около такого храма группировалось все его населеніе и жило одною жизнью, одною душою. Центральное мѣсто занималъ пастырь, стоявшій иногда на

низкой степени умственного развитія и жившій одной жизнью съ населеніемъ, т. е. съ своимъ приходомъ, не гнушавшійся близкимъ общеніемъ со своими простецами—прихожанами. Пастырь того времени былъ истинный пѣстунъ народнаго духа, нравственный воспитатель его. Заботясь главнымъ образомъ объ истинномъ и неуклонномъ служеніи Богу, отвлекая мысль отъ земнаго, временнаго къ небесному, вѣчному, пастырь тѣмъ самымъ имѣлъ неотразимое нравственное вліяніе на своихъ прихожанъ. Послѣдніе видѣли эту нравственную, божественную силу въ пастырѣ, глубоко чтили его, признавали въ немъ несокрушимый пастырскій авторитетъ. Считаая своего пастыря единственнымъ руководителемъ въ жизни, прихожане во всѣхъ дѣлахъ спрашивали его совѣта и безпрекословно ему во всемъ довѣряли. Они непринужденно шли къ своему пастырю и открывали ему свою душу, будучи увѣрены, что получаютъ отъ него желанное утѣшеніе, совѣтъ, поученіе. Пастырь и самъ считалъ за святой долгъ вникать во всѣ случаи жизни своей паствы, старался знать каждаго своего прихожанина, чтобы во время пожать каждому нужную помощь: враждующаго примирить, болящаго душею и сердцемъ усюконтъ, слабѣющаго въ вѣрѣ поддержать, нуждающемуся матеріально—помочь и т. д. И все это дѣлалось въ наивной простотѣ сердечной, въ духѣ истинной христіанской вѣры, съ Евангельскою любовью. Однимъ словомъ, пастырь и прихожане тогда находились въ самомъ близкомъ и постоянномъ общеніи. Пастырь заботился о каждомъ своемъ пасомомъ, и всѣ къ нему льнули, какъ желѣзо къ магниту. Если пастырь того времени молился и священнодѣйствовалъ, каждое его движеніе, каждое слово было проникнуто воодушевленною вѣрою; онъ незамѣтно передавалъ свои чувства молящимся, заражалъ ихъ своимъ настроеніемъ, заставлялъ ихъ переживать тотъ подъемъ духовной жизни, что испытывалъ на себѣ. Если онъ проповѣдывалъ,—слова его были гласомъ пастырскаго сердца; тутъ была бесѣда души, жаждущей спасенія братьевъ. Его простые слова, но исходящія изъ любящаго сердца, проникали въ чужую душу, доходили до совѣсти, умиляли и на глазахъ молящихся вызывали слезы. И средства содержанія пастыря не стѣснялись получать со своего же прихода, т. е. прихожане давали своему причту добровольную плату за службу, за различнаго рода требосправленія или деньгами, или натурою, отводили и земельныя участки на своихъ поляхъ для пользованія своему причту. И все это было очень естественно и никогда не возникали непріятности между причтомъ и прихожанами.

Разъ каждый пастырь имѣлъ огромное, притомъ доброе вліяніе на жизнь своего прихода, а каждый приходъ есть отдѣльная живая вѣтвь огромнаго дерева—государства, то, слѣдовательно, пастыри имѣли вліяніе и на жизнь самаго государства. Такъ это и было. Въ исторіи организациіи государства наше приходское духовенство сыграло видную роль.

Мало—по—малу черты добраго пастыря сложились въ народномъ сознаніи и отлились въ опредѣленный типическій образъ. Можно съ полнотой сказать, что уже въ старину у нашего народа изъ самой жизненной практики

выработался свой идеаль пастыря, т. е. каковъ долженъ быть истинный пастырь въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ, какія нужды и требованія ихъ онъ долженъ удовлетворять. Этотъ идеаль и сталъ передаваться народомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Поступаетъ священникъ въ приходъ. Послѣдній и прилагаетъ къ нему свой идеаль пастыря и смотритъ, отвѣчаетъ ли онъ его требованіямъ или нѣтъ. Если отвѣчаетъ, народъ доволенъ, что имѣетъ желаннаго пастыря, если же нѣтъ,—народъ скорбитъ, возмущается, такъ или иначе выражаетъ пастырю свое неудовольствіе и т. д. Такимъ образомъ, напрасно думаютъ о простомъ народѣ, будто бы для него „что ни попь то, батька“.

Сказаннаго думается, достаточно для того, чтобы уяснить себѣ первую половину вышеприведеннаго изреченія. А чтобы была понятна и вторая половина его, обратимся къ временамъ не столь отдаленнымъ. По лицу великой матушки—Руси уже давно величаво вадываются къ небу золоченныя (мѣстами есть) маковки церквей. Въ иныхъ иконостасъ буквально блеститъ золотомъ, висятъ тяжелыя панникадила, горятъ тяжелыя свѣчи, утварь драгоценна, облаченія дорогія. Въ дни праздниковъ по всему обширному лицу нашей земли воздухъ содрогается отъ мощныхъ и сильныхъ звуковъ тысящепудовыхъ колоколовъ. Но все это только блестящая внѣшность. За порогами же храмовъ стоитъ настоящая реальная жизнь. О чемъ же она говоритъ? Она говоритъ объ оскудѣннй духовной жизни, о духовномъ голодѣ у народа.

Съ исчезновеніемъ въ приходахъ пастырей—простецовъ, народниковъ появились новые пастыри, хотя болѣе просвѣщенные, чѣмъ прежніе, но за то въ преобладающемъ большинствѣ безъ идейной настроенности и воодушевленія и чистой, безкорыстной любви къ высокому служенію Церкви Божіей. Въ сущности по своимъ взглядамъ и привычкамъ это свѣтскіе люди въ рясахъ, чиновники—бюрократы, а не блискіе къ народу люди, у которыхъ простецы—прихожане находили бы и утѣшеніе въ горѣ и радость въ счастіи. Въ жизни духовенства стали обнаруживаться такія явленія, которыя отталкивали его отъ идеаловъ и стремленій народа. Духовенство обособилось, отдалилось отъ народа—своихъ пасомыхъ, держа себя въ отношеніи къ пасомымъ высоко, слишкомъ высокомерно, заносчиво. При разговорѣ, бесѣдѣ съ прихожанами у пастыря зачастую звучитъ нотка нѣжной высоты, снисхожденія, а иногда начальства. Теплое, задушевное слово пастыря—отца, полное сочувствія, неподдѣльной скорби, растворяемое искренней любовью къ пасомымъ, коимъ устанавливается тѣсная внутренняя связь пастыря съ пасомыми, создается истинный притижь и авторитетъ пастыря Церкви, стало рѣдкостью. На первомъ мѣстѣ у пастыря встали матеріальныя выгоды отъ стада Христова, которое поручено его заботливости, какъ духовнаго отца и руководителя, и которое онъ, какъ таковой, долженъ возможно чаще посѣщать, не по случаю только различныхъ требъ, но и независимо отъ нихъ, по себестоенной инициативѣ, посѣщать съ цѣлью болѣе вѣрнаго распознаванія духовныхъ нуждъ своихъ пасомыхъ и изысканія лучшихъ способовъ борьбы съ народными недугами.

Далѣе. Всякую другую обязанность, всякое другое служеніе можно нести, будучи лишь честнымъ служакой. Но пастырство не укладывается въ рамки „службы“ и требуетъ особенныхъ внутреннихъ качествъ отъ тѣхъ, кому вѣрается попеченіе о религіозныхъ нуждахъ вѣрующихъ. Разъ у служителей религіи нѣтъ идеальной настроенности, то служеніе свое они исполняютъ механически, смотря на него, какъ на служебную обязанность. Возьмемъ службы церковныя, истовое, благоговѣйное и молитвенное совершеніе которыхъ всегда служило однимъ изъ главныхъ и могучихъ орудійъ религіозно—нравственнаго воспитанія народа. Рѣдѣтъ стали тѣ счастливые храмы по городамъ и весямъ св. Руси, въ которыхъ бы Богослуженіе влекло къ себѣ богомольцевъ, гдѣ бы оно властно захватывало ихъ души, возносило умы и сердца къ Богу, будило лучшія въ нихъ мысли, чувства и желанія. А почему? Конечно, здѣсь отчасти виновато и наше славянское нарѣчіе, на которомъ совершается Богослуженіе, но больше виноваты отправители его. Послѣдніе, опираясь на выраженіе устава: „аще настоятель изволитъ“, больше желаютъ служить „поскору“, или, какъ выражаются сами, „на почтовыхъ“. Появилось отправленіе богослуженія „по—будничному“ и „по—праздничному“, для богатаго и бѣднаго. Чтець и псаломщикъ, смѣнившій прежняго „дьячка“, сплошь и рядомъ самовольно выкидываетъ любое изъ службъ, оставляя изъ устава одинъ остовъ, и читаетъ такъ, что слышится какое—то сплошное бормотанье, вѣрнѣе гулъ, больше ничего. Къ сказанному нужно присоединить еще невнятное пѣніе. Движенія самого пастыря быстры, чтеніе имъ молять, произнесеніе возгласовъ торопливое, При такомъ служеніи пастырь Церкви стоитъ предъ престоломъ съ хладною душою, совершая Богослуженіе, какъ заведенная машина. А вѣдь онъ, священнодѣйствующій, посредникъ между Богомъ и людьми, служить съ ангелами, славословить съ архангелами. Тагимъ образомъ, пастырь и самъ не переживаетъ святыхъ моментовъ въ Богослуженіи, не получаетъ благодатныхъ силъ для собственнаго назиданія, религіознаго возвышенія и благодатнаго покрѣпленія въ несеніи жизненнаго подвига, и православной душѣ молящихся, безъ различія званія и положенія, не доставляетъ страды и утѣшенія, не имѣетъ надлежащаго воздѣйствію на молящихся, не доходитъ до ихъ души и не затрагиваетъ ея сокровенныхъ струнъ. Про отправленіе пастыремъ различныхъ требъ ужъ совѣмъ не приходится говорить.—Замерло съ церковной каедрѣ и живое пастырское слово, то слово, которое „глаголомъ жжетъ сердца людей“.

Мы этимъ не хотимъ сказать того, что вообще проповѣдь замерла. Нѣтъ, пастыри, чтобы не показаться въ глазахъ начальства бездѣтельными, къ тому же припоминая слова Апостола: „Горь мнѣ есть, аще не благовѣствую“, говорятъ народу съ церковной каедрѣ, но что и какъ говорить? Чаще всего съ церковной каедрѣ слышатся, дѣланнныя, чужія, искусственныя рѣчи, не пережитыя, не пережитыя, не пережитыя самими пастырями. Прихожане ждуть отъ своихъ пастырей разъясненія живыхъ житейскихъ вопросовъ, освѣщеныхъ съ религіозной точки зрѣнія, а имъ пред-

лагаются сухія истины, недоступныя для ихъ пониманія. Быть можетъ, тутъ отчасти виновата духовная школа, внушившая пастырямъ, когда они сидѣли на школьной скамьѣ, представленіе о церковной проповѣди, какъ о какомъ-то ученомъ риторическомъ подвигѣ, требующемъ пота, крови и высокопарныхъ фразъ. Воспитавшись на схоластическихъ образцахъ церковнаго витійства, наши пастыри и теряютъ способность къ живому и доступному прихожанамъ слову съ церковной каедрѣ, и не имѣютъ представленія даже о существѣ живой проповѣди... Но здѣсь, м. б., сказывается и механическое исполненіе пастырями своего служенія. Между тѣмъ сколько у пастыря матеріала для живой проповѣди! Укажемъ хоть на то, что предъ нимъ больше, чѣмъ предъ кѣмъ либо другимъ, раскрыта интимная жизнь сердца прихожанъ. Развѣ здѣсь мало матеріала для сердечной живой проповѣди,—это, вѣдь, цѣлая неисчерпаемая книга для пастыря-проповѣдника.

Но зато сколько у пастыря работы сторонней, помимо прямой пастырской работы, обравившей пастыря буквально въ чиновника, командированнаго въ приходъ для исполненія чисто пастырскаго дѣла. И эту стороннюю работу духовенство, стараясь угодить власти имущимъ, выполняло аккуратно и тщательно.

Итакъ, говоря коротко—въ приходѣхъ не стало въ полномъ смыслѣ пастыря, руководителя, отца, любящаго свою паству, близкаго ей, живущаго ея интересами, удовлетворяющаго ея религіозно—нравственныя потребности. Въ приходѣ былъ просто требоисправитель, служитель Церкви безъ должнаго вліянія на народъ. Внутренняя связь съ приходомъ со своимъ пастыремъ прервалась и приходъ сталъ жить отдѣльною жизнью. Авторитетъ пастыря Церкви палъ, сошелъ на пѣтъ. Нѣкоторымъ пастырямъ прихожане перестали даже кланяться при встрѣчѣ, т. е. удовлетворять требованіямъ приличія самой обычной вѣжливости, а индѣ стали и дерзости говорить. Если и остались отношенія пастыря съ пасомыми, они были чисто внѣшнія, формальныя, сшитыя на живую нитку, при всякомъ „удобномъ“ случаѣ могущія разодраться, распахаться по всѣмъ швамъ.—Нашъ простой народъ, какъ бы онъ ни былъ грубъ, темень, непросвѣщенъ, все же въ глубинахъ своей доброй простой души способенъ беззаветно отдаться благодатному ученію Христову, вѣрить въ правду Божию. По выраженію одного изъ гениальныхъ знатоковъ народной души, нашъ народъ—„богоносецъ“. И вотъ, когда совѣсть нашего народа пробуждается, когда душа его томится жаждой правды Божіей, онъ ищетъ ее и готовъ ради нея пожертвовать всѣмъ, что для него дорого на землѣ. Но наше духовное сословіе „остыло“, изъ класса „пророковъ и боговѣдцевъ“ сдѣлалось просто почетнымъ сословіемъ, у котораго остались лишь пыльные титулы, обряды и формулы, часто не согрѣтые внутреннимъ содержаніемъ. Потому жажда религіознаго ученія, жажда правды Божіей погнала народъ на сектантскія радѣнія, заставила его принимать самыя странныя и дикія ученія, идти отъ своего пастыря къ какому-либо страннику или братцу. Обидно, горько и досадно! Пастырь, высоко стоящій въ умственномъ отношеніи надъ сѣрою мас-

сою народа, учить и просвѣщать которую не стоило бы большого труда, вдругъ не можетъ дать своему пасомому того, что силенъ и рядомъ предлагаетъ своимъ слушателямъ сектантскій вѣроучитель, подчасъ—человѣкъ совершенно безграмотный и невѣжественный. Это обстоятельство рождало всевозможныя неудовольствія, питало постоянное раздраженіе противъ священника въ приходѣ. И если такъ пойдетъ дальше, пророческими окажутся слова одного маловѣрующаго публициста (В. Розанова). Онъ рисуетъ такую картину: богатый храмъ, горятъ свѣчи, идетъ всенощналъ; батюшка и діаконъ ходятъ по церкви, ходятъ и кадятъ, кадятъ и поютъ: „Хвалите имя Господне, хвалите раба Господа...“ „А рабовъ-то Господнихъ и нѣтъ“, злорадно прибавляетъ онъ: она не пришла хвалить имя Господне“. Подобныя картины уже встрѣчаются въ городскихъ храмахъ. Вотъ результатъ косности и нерадѣнія „пастыря о своемъ пастырскомъ долгѣ“.

Разъ рушилась внутренняя связь между пастыремъ и пасомыми, разъ пастырь не давалъ того, что жаждала вѣрующая душа пасомаго, то и средства содержанія, получаемыя духовенствомъ отъ прихожанъ, естественно стали казаться ненормальными. Со стороны народа пошли жалобы на „притязательность“, со стороны духовенства на „унизительность“ поборовъ съ народа деньгами и натурою. Разобщенность пастырей и пасомыхъ все росла и росла, случаи недовольствій, раздоровъ между пастырями и пасомыми обнаруживались все чаще и чаще, канцелярціи и приемныя напиханъ епархіальныхъ архіереевъ больше и больше заполнились прошеніями и просителями съ жалобами на пастырей.

Такъ въ теченіе многихъ лѣтъ накоплялись ненормальности въ отношеніяхъ между пастыремъ и его пасомыми, назрѣвало недоброе паствы противъ своего пастыря и, наконецъ, болѣзненный нарывъ вскрылся.

У всѣхъ насъ на памяти освободительное движеніе 1905—1906 гг. Тяжелое и безотрадное время переживало тогда и духовенство. Последнее ветрепенулось, пробудилось отъ духовнаго сна. Были вызваны къ жизни пастырскія собранія, на которыхъ происходилъ горячій обмѣвъ мнѣній, говорилось объ усиленіи пастырскаго, вліянія на пасомыхъ, объ уничтоженіи треніи между пастыремъ и паствой и объ установленіи внутренней, тѣсной связи между ними; словомъ, было идейное движеніе впередъ, которое заставило работать мысль, вызвало къ жизни множество благихъ пожеланій, лучшихъ стремленій и идеальныхъ цѣлей, и все это съ цѣлью принести отъ сердца пользу своей паствѣ. Но, къ сожалѣнію, освободительное движеніе тогда не было доведено до конца, оборвалось, въ государствѣ наступило нѣкоторое *видимое* затихше, которое умиряюще повліяло и на наше духовенство. Оно опять притихло, забыло о пастырскомъ идеалѣ, встало на обычную оторченную дорожку отправления требъ, Богослуженія, произнесенія готовой проповѣди и т. д.; словомъ— въ средѣ пастырей Церкви опять воцарилась мертвенность, духовная спячка. Урокъ освободительнаго движенія для духовенства прошелъ даромъ. Попржежнему благодушествуя, успокаивая себя мнимымъ благополучіемъ, духовенство не замѣчало или не

хотѣло замѣчать, какъ все кругомъ двигалось, колебалось и при толчокѣ готово было упасть въ грандіозную пропасть. Духовенство не видѣло, съ какимъ усердіемъ, рвеніемъ апокалиптической сатана, сорвавшійся съ цѣпи, въ послѣднее десятилѣтіе сбѣлъ семена зла, посѣвъ этотъ давалъ вездѣ и всюду пышные, обильные всходы; сѣмена эти росли и уже подползли и къ стражамъ народнымъ—пастырямъ Церкви, грозя опутать ихъ. Вѣрующая Россія съ воплемъ взывала: дайте мнѣ *силу* жить! Скажите именемъ Евангелія и Христа, какъ мнѣ жить, куда идти?...

И вотъ пробилъ часъ...

Въ дни русской революціи, когда было низвергнуто Императорское правительство, народная волна прорвала сдерживающую ее плотину государственной жизни, заколыхалась и завертѣлась въ водоворотъ жизни. Не понимая истиннаго смысла свободы, дарованной народу для сознательной работы и облегченія труда, а не для произвола и разнузданности, народная волна ринулась куда—то впередъ, бурнымъ потокомъ стирая на пути все, что ей когда—то мѣлало въ обществѣ. Народъ смывалъ съ лица земли всю старую администрацію безъ разбора—вредить она движенію народному или нѣтъ, сталъ гнать все, что напоминало ему прежній бюрократизмъ—полицію, чиновниковъ... Какъ бы на пути этой народной волны оказалось наше православное приходское духовенство. Какъ на правительственнаго „чиновника“ посмотрѣлъ народъ и на священниковъ,—вѣдь они не удовлетворяли идеалу пастыря, составлявшемуся у народа вѣками и выношенному въ народномъ сознаніи,—вѣдь они были чужды приходу, не радѣли о народныхъ интересахъ, не вели паству по истинному пути, указанному въ Евангеліи и т. д. Къ тому же, пока духовенство недоумѣвало, разводило руками, ожидало заумеровааннаго предписанія отъ своего начальства, также весьма растерявагося,—какъ быть? что дѣлать?—„доброжелатели“ духовенства не дремали. Они стали внушать народу, что „попы“ были всегда противъ народной воли, всегда стояли на сторонѣ полиціи и начальства, отыскивали всюду крамолу, возбуждали толпу на борьбу за свободу и т. д. Однимъ словомъ,—внушали, что „попы“ стоятъ поперекъ дороги къ самымъ заветнымъ идеаламъ, къ идеаламъ свободы и равенства. Такія внушенія, безъ сомнѣнія, имѣли силу и, какъ говорится, подлили масла въ огонь. Конечно, истинный авторитетъ не боится бурь, невзгодъ, онъ выдержитъ натискъ враждебной силы, а ложный, основанный на высокомеріи и гордости и проч., и при небольшомъ вліяніи вѣтерка падаетъ ницъ. Но мы знаемъ, какимъ авторитетомъ стало пользоваться у народа духовенство. И вотъ пошли всевозможныя гоненія на нелюбимыхъ пастырей, насилія, изгнанія священниковъ и другихъ членовъ причта изъ приходоѡвъ, учрежденія такъ съ требосправленія, отобранія церковной земли. Городское населеніе хотя тоже чувствовало ненормальное положеніе пастыря въ приходѣ, но не выражало этого открыто. Крестьянское же населеніе, какъ мало образованное и къ тому же, какъ упомянуто выше, подогрѣваемое „доброжелателями“ духовенства,—а у него ихъ очень много—выражало свои протесты въ болѣе грубой

формъ, не останавливаясь даже предъ кощунствомъ и оскверненіемъ храмовъ Божіихъ. Конечно, такого рода печальныя явленія были не повсемѣстно. Находились и такіе прихожане, которые „во дни свободы“ дорожили своимъ пастырствомъ, избирали даже въ члены сельскихъ комитетовъ, даже въ предсѣдатели волостного комитета. Понятно, такимъ явленіямъ слѣдуетъ радоваться и пожалѣть, что ихъ пока встрѣчалось очень мало. Въ большинствѣ же случаевъ прихожане были недовольны духовенствомъ, смотрѣли на него, какъ на вѣрныхъ слугъ „старого режима“, какъ принято теперь выражаться, и стали относиться съ ненавистью.

Справедливость требуетъ сказать, что лучшіе люди изъ среды самого духовенства давно замѣтили, что положеніе современнаго пастыря въ приходѣ ненормально и въ дѣлѣ самаго религіознаго просвѣщенія требуетъ многихъ усовершенствованій. Покойный Петроградскій митрополитъ Антоній указывалъ духовенству на необходимость сблизиться съ народомъ, заслужить его довѣріе, не гнушаться братскихъ отношеній съ нимъ, предлагать ему болѣе „живое слово“, болѣе понятное для простака и приложимое къ жизни. Высокопреосвященный Антоній Харьковскій, въ бытность епископомъ Уфимскимъ, въ посланіи къ пастырямъ Церкви, между прочимъ, писалъ, что не „измѣнитесь въ своихъ взглядахъ и въ своемъ бытѣ народъ, если его пастырь не сблизится съ каждымъ домомъ своей паствы, если онъ тяготеетъ и гнушается постояннымъ общеніемъ съ сѣрымъ мужикомъ, если считаетъ свой долгъ исполненнымъ отслуживъ кое-какъ воскресную службу и являясь на требы, по приглашенію... Мірянинъ только тогда повлечется къ Церкви, когда пойметъ, почувствуетъ, что представитель вѣры его жалѣетъ, любитъ и печется о его душѣ.... Вѣдь надо откровенно сознаться, что за послѣдніе 200 лѣтъ народъ нашъ былъ заброшенъ и предоставленъ самому себѣ. (Церк. Вѣд. 1901 г.). Да и среди простаго, рядоваго духовенства были пастыри, которые сознавали ненормальность положенія современнаго пастыря, которые старались отрѣшиться отъ взгляда на прихожанъ, съ которыхъ можно только „снимать шерсть“. Но... безправіе, всевозможныя униженія, матеріальныя неустройства, пренебрежительное отношеніе общества къ духовенству, затхлая атмосфера духовной среды, пропитанной мелочными дразгами, инакопоклонствомъ и т. п.,—все это создавало такой духовный гнетъ, подъ тяжестью котораго быстро увядали идеальныя стремленія и у тѣхъ пастырей, у которыхъ они были,—который у новичковъ—пастырей въ корнѣ убивалъ молодой идеализмъ. „Власть земли“, интересы дня совершенно овладѣли пастырствомъ, дѣлая изъ него покорнаго раба. И одному Богу вѣдомо, что переживаютъ пастыри, похоронившіе идеальную настроенность. Жизнь обращается въ сплошную, непосильную крестъ, измученную душу терзаютъ испытанныя разочарованія, горькое слово укоризны и жалобы на судьбу не разъ срываются съ устъ. Мірскіе люди, осуждающіе пастырей, этого не знаютъ... Измѣнить правовыя и экономическія условія пастырскаго служенія, создать свободную, бодрящую атмосферу жизни для служителей величайшаго на землѣ служенія—это задача власти, преимую-

ственно духовной, располагающей къ тому всеми способами, лишь бы только явилось искреннее желаніе освободиться отъ рутинны и не бояться радикальныхъ преобразованій. Но...лучше —то и приходится поставить „но“. Бюрократическая духовная власть, подъ давленіемъ высшихъ сферъ, гнала изъ среды духовенства все свѣтлое, все хорошее, преслѣдуя даже пастырей, которые входили въ близкое отношеніе съ прихожанами и вызывали голосъ въ защиту ихъ правъ, обратила пастыря въ чиновника—формалиста, служителя—требоисправителя и довела пастырей до настоящаго печальнаго положенія.

Одно время кн. Мещерскій въ газетѣ «Гражданинъ» писалъ такъ: «Если осуждать, такъ осуждать тѣхъ, кто искалѣчилъ, изуродовалъ, кто насмѣивался, и подчасъ зло насмѣивался, надъ нашимъ духовенствомъ... Осуждайте не батюшекъ, а тѣхъ, кто потворствовалъ разрушенію вліянія нашего духовенства на народъ». Правильно сказано! Всеми осуждающимъ духовенство необходимо помнить, что причины паденія пастырскаго авторитета и печальнаго положенія духовенства въ переживаемый моментъ, какъ слѣдствія этого паденія, двоякаго рода: одни кроются въ самомъ духовенствѣ, а другія нужно искать вѣзъ его, и устранить эти послѣднія причины само духовенство безсильно. А потому духовенство, по нашему глубокому разумѣнію, должно во всеуслышаніе сказать: «Г. г. судьи! мы виноваты и весьма виноваты въ томъ, что не сумѣли возвыситься надъ прозаическими требованіями жизни, волновались тѣми же заботами житейскими, что и наши овцы, и размѣивались на нихъ, не несли Божественнаго огня на алтарь утѣшенія страждущаго брата, не являлись свѣтильниками, во тьмѣ ходящимъ, тысяченудовыми колоколами, а неживымъ учительнымъ словомъ звали и будили народную душу, изъ тщеславія и изъ зависти—не быть хуже другихъ—мы стяжали золото иконостасовъ и ризъ, а не стяжали того золота, о которомъ сказалъ поэтъ: «золото, золото—сердце народное»,—мы виноваты въ томъ, что умервили духъ, красоту, поэтическое вдохновеніе соверженія христіанскаго Богослуженія, наводили скуку своимъ Богослуженіемъ и подвигли многихъ своихъ овецъ искать новыхъ пажитей на распутіяхъ и у враговъ вѣры и Церкви; мы сознаемся, что правъ В. Розановъ, сказавшій о насъ: „тенденція ко сну, къ своему личному сну у нашего духовенства сильнѣе, чѣмъ у какаго либо другаго сословія“. Да, мы виноваты, что будучи стражами народными, сняли съ себя оружіе и заснули, а вмѣстѣ съ нами заснулъ и врученный намъ народъ. Мы виноваты, г. г. судьи, но заслуживаемъ снисхожденія.

Послѣднее наше слово: мы отрясли прахъ стараго режима отъ ногъ своихъ, — вы не замѣтили этого,—а теперь не медля пойдемъ рука объ руку съ народомъ къ ногамъ свободной жизни“.

Въ самомъ дѣлѣ, не заслуживаетъ ли наше приходское духовенство снисхожденія?!.. Подумай, мірской читатель! Подумай о томъ, не приложимъ ли вышеприведенный упрекъ духовенству и къ намъ, мірянамъ? Вѣдь и міряне — то стали деревянными и каменными, т. е. холодными и жесткими къ Церкви Божіей!...

В. М.

„П. Е. В.“

Архіерейская ревизія.

Разказъ.
(Окончаніе.)

—Ну, а про владыку то ты какъ же узналъ? спросила матушка и стала цѣдить воду изъ самовара въ мѣдную полоскательную чашку. Чашка эта была приданое матушки, а потому отъ времени и частаго употребленія сильно потерта и помята въ двухъ-трехъ мѣстахъ.

—А вотъ какъ. Какъ прешель я изъ лавки, дьяконъ то ужъ дома. Извѣстно, облобызались мы съ нимъ, сѣли чай пить, сначала это то, се, тары да бары, завтра Варвары, а онъ и говоритъ: „Ты у протопопа былъ?“ говоритъ.— „Нѣтъ, говорю, не былъ. Да чего я пойду? Дѣла нѣтъ, а такъ, безъ дѣла какъ къ нимъ пойдешь? Не хорошо“. А онъ опять: „хорошо не хорошо, а надо тебѣ, паря, зайти. Мнѣ степъ Николай сейчасъ сказывалъ, кажется, архирей въ нашу сторону ѣдетъ. Такъ ты бы узналъ у благочиннаго-то“ „Да чего мнѣ узнавать то, говорю, вѣдь, къ намъ не заѣдетъ?“ „То-то смотри, друже, по епархіи ѣдетъ, на ревизію. Говорятъ--и маршрутъ есть у нашего-то. Даже въ карелу поѣдетъ, такъ ужъ вамъ то съ отцомъ Василиемъ врядъ миновать“. Ну, тутъ ужъ я забеспокоился, хотѣлъ кряду бѣжать, да кумъ не пустилъ. „Теперь ужъ поздно“,—говоритъ. „Завтра пораньше сбѣгаешь“. Сѣли, знаете, ужинати, а мнѣ в кусокъ въ ротъ нейдетъ. Ну, какъ въ самъ-дѣлѣ и къ намъ заѣдетъ?—думаю. Кумъ, ему что? Дивья. „Видалъ, говоритъ, -я ихъ, архиреевъ--то. Еще у блаженной памяти Симеона въ келейникахъ жилъ. Въ Питеръ съ нимъ ѣздилъ, въ синодѣ былъ. Что мнѣ эти архирей?“ А вѣдь я, извѣстно, разъ только и видѣлъ преосвященнаго-то, когда посвящался, такъ и то словно бы въ туманѣ какомъ былъ, куда ткнуть, туда и иду, да потомъ еще за благословеніемъ къ нему ходилъ передъ тѣмъ какъ сюда ѣхать. Вотъ и все. Тутъ поневолѣ струхнешь. Ночью спать не могу, душа то такъ и ноетъ, такъ и ноетъ. Кумъ хранитъ себѣ во все носовыя завертки.—спали то мы съ нимъ на полу, ему и горюшка мало, а у меня хоть шей глаза. Все архирей мерещится, сердитый такой, топчется, кричитъ на меня. Подъ утро ужъ задремалъ маленько. Спыхватился, слышу, звонятъ къ заутрени. Я одѣлся да и маршъ къ благочинному. Зашелъ на кухню, кухарка самоваръ поносить. „Встали, спрашиваю, отецъ протоіерей?“ „Всталъ, говоритъ, чай пировитъ пить“ „Доложите,--говорю, молъ, Кадомскій дьяконъ видѣтъ желалъ бы. Вотъ и позвалъ онъ меня въ комнаты. Я, какъ водится, подъ благословеніе. А они смѣются. „Что, дьяконъ, про владыку, видно, услыхалъ? Погодите, уже задасть онъ вамъ съ отцемъ Василиемъ!“ А сами это смѣются, сами смѣются. И какъ они могутъ такъ смѣяться, батюшка?--вскочилъ руками дьяконъ.—Тутъ душа готова выскочить, а они смѣются.—

Однако, о. Василій и самъ не понималъ, какъ можно смѣяться въ такую минуту. Вся его маленькая фигурка выражала теперь живое униженіе. Безсилно опустивъ на колѣни красныя, съ глубокими морщинами и высоко выступившими синими жилами руки, низко свѣсивъ лысую го-

лову, онъ, казалось, застылъ подъ гнетомъ странной вѣсти; старческія губы время отъ времени беззвучно шептали что-то, однѣ свидѣтельства, что это не изваяніе, а живой человѣкъ.

Архіереевъ старикъ не видалъ давно, лѣтъ тридцать, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ Шулому пріѣзжалъ для освященія церкви преосвященный Іоанникій, такъ и то, вѣдь, не къ нимъ, не въ Кадомѣ онъ его встрѣчалъ, а въ Шуломѣ, да и то подошелъ подъ благословеніе и въ сторону скорѣй, архіерей, почитай, и не замѣтилъ его. А теперь сюда ѣдетъ... о, Господи, Господи!!.

Іоанникій былъ добрый архипастырь, съ духовенствомъ обходился ласково, участливо разспрашивая о приходѣ, о семейныхъ дѣлахъ и нуждахъ; а и его тренеталь смиренный о. Василій. Послѣ него два архіерея смѣнились, ни тотъ, ни другой по епархіи вовсе не ѣздили. А къ нимъ о. Василій не заходилъ, когда, случалось, бывалъ въ городѣ, хотя на всякій случай всегда бралъ съ собою лучшую рясу. „Дальше отъ по-па, меньше грѣха“, отшучивался онъ, когда, бывало, благочинный упрекнетъ его, что, молъ, не хочеть онъ къ владыкѣ зайти за благословеніемъ. Теперь уже больше двѣнадцати годовъ и въ городѣ то старикъ не бывалъ. Слышалъ, что новый епископъ на епархію пріѣхалъ, молодой, да какъ-то мимо ушей пропустилъ эту новость, точно и не касалась она его. Думалъ старикъ и вѣкъ дожить въ блаженномъ невѣдѣніи архіерейскаго вниманія и гнѣвнаго ока, да вотъ не судилъ Богъ въ покоѣ то умереть.

Тутъ вотъ вамъ все подробно описали отецъ благочинный,--говорилъ между тѣмъ дьяконъ, доставая изъ кармана подрясника бережно свернутое, въ синемъ конвертѣ, письмо.

О. Василій машинально протянулъ руку, взявъ письмо, также машинально поднялся, досталъ висѣвшія на гвоздѣ подъ зеркаломъ въ черной рамѣ ножницы, бережно, какъ всегда дѣлалъ, вскрылъ письмо и силвился прочесть его, далеко отводя руку съ слегка дрожавшимъ листкомъ.

—Очки-то, очки-то надѣвъ, Василій Степановичъ,--напомнила матушка, подавая старику очки,--да вслухъ читай-то!—Первоначальное чувство оцѣпененія въ старушкѣ исчезло. Въ ея практической головѣ уже замелькали мысли о тѣхъ приготовленияхъ, какія необходимо было сдѣлать и въ церкви, и дома, чтобы достойно встрѣтить високаго гостя.

„—Любезнѣйшій о Христѣ собратъ, отецъ Василій Стефановичъ!--съ трудомъ началъ разбирать размалышастый и мелкій почеркъ о. Василій.—Вчерашняго 17-го февраля извѣщенъ я изъ конспеторіи, что преосвященнѣйшій владыка Нектарій, въ заботахъ о просвѣщеніи вѣрнной ему отъ Бога паствы, 20-го сего февраля выѣзжаетъ для обозрѣнія церквей и приходовъ епархіи въ нашу сторону. Хотя точнаго маршрута и нѣтъ, но думаю, что, нонѣ путь его лежитъ черезъ Шулому въ карелу, то можетъ онъ и къ вамъ въ Кадому заглянуть.

Сообщая вамъ объ этомъ, предлагаю приготовить на случай, дабы не спящія дѣвы встрѣтили владыку въ Кадомѣ. Документы церковныя, какъ то: метрическія и приходо-расходныя книги, исповѣдныя росписи, дневникъ и алтарная тетрадь должны быть разложены въ алтарь на особомъ столѣ и раскрыты на послѣдней заповѣданной страницѣ, причемъ метрическія книги сверху, подъ ними приходо-расходныя, особо исповѣдныя (раскрыты на табели). Описи должны быть тутъ же, закрыты. Приготовьте чернильницу и перо. Въ церкви чтобы все было вымыто, вычищено; перемѣните и облаченія. Хотя, какъ я освѣдомленъ, владыка и не любитъ торжественныхъ встрѣчъ, но во всякомъ случаѣ будьте готовы. Присылаю на случай уставъ Никольскаго, просмотрите“.—

Едва о. Василій прочиталъ послѣднія слова, какъ дьяконъ, до сихъ поръ внимательно слушавшій, вдругъ заерзалъ на стулѣ, покраснѣлъ и сталъ дико поводить глазами; потомъ вкочилъ, съ минуту, постоялъ на мѣстѣ и вдругъ стремительно ринулся вонъ.

—Забывъ, видно, книгу-то, — произнесла попадя. Батюшка помолчалъ и началъ дочитывать письмо: „Не худо-бы объявить прихожанамъ, чтобы собрались. Съ чайкомъ поторопитесь, ждуть, говорятъ, не любить. Во всякомъ случаѣ я прѣйду хоть минутой раньше.“

Вашъ всегдашній доброжелатель прот. А. Воскресенскій.

Помнится, дневника и алтарной я не просматривалъ, такъ вы ихъ подалеже засуньте. Не ровенъ часъ...

Вбѣжалъ дьяконъ съ книгою въ рукахъ.

— Вотъ, вѣдь, память-то, — возбужденно заговорилъ онъ еще въ кухнѣ. — Вспомыхъ сунулъ въ корзину, да и забылъ. — Онъ подалъ книгу о. Василію.

Тотъ отложилъ ее въ сторону.

Письмо, очевидно, ободрило старика. Не сознавая этого самъ, онъ какъ бы инстинктомъ почувствовалъ, что между нимъ и архіереемъ есть нѣкто третій, кто, быть можетъ, и совсѣмъ затѣнитъ его. Этотъ нѣкто—видный, румяный, всегда такой солидный веселый, такой умница, протопопъ Воскресенскій. Онъ всегда благодушно-покровительственно относился къ о. Василію, вѣдь, тотъ скромникъ и не плавница.

— Когда же прѣйдетъ то, не пишеть того о. протоіерей?—спросила матушка и начала вслухъ высчитывать:—завтра—двѣнадцатое, завтра выѣзжаетъ владыка, послѣзавтра, въ четвергъ будетъ въ Чуриловѣ, въ пятницу къ ночи въ Самозеро, а можетъ и на Шулому, ну, а ужъ къ намъ-то не раньше, какъ въ субботу, рано ли поздно. Три дня выходить еще кромѣ этого. Только-только вымыть успѣтъ, да прибраться. Надо бы за старостой послать, Василій Степановичъ.—

— Да, да надо послать, надо. Да кого послать-то? Кто на этакой погодѣ пойдетъ?—Въ словахъ и во всѣхъ движеніяхъ о. Василія проявлялась теперь необычная суетливость.

— Да ужъ Луку надо послать; больше кого? Вотъ о. дьяконъ вернется, по пути кликнуть Луку-то—

О. дьяконъ жилъ рядомъ съ о. Василіемъ, а сторожъ Лука за церковью, въ другой совсѣмъ

сторонѣ и значить „кликнуть“ Луку дьякону было вовсе „не по пути“, однако, онъ не отговаривался.

Я сейчасъ схожу, — и онъ началъ быстро собирать на руку свои разбросанныя рясы.

— Да живеть, ладно, послѣ возьмешь одежду ту, давай Христа ради, бѣги скорѣй за старикомъ-то—заторопилъ его о. Василій, точно все теперь зависѣло отъ того, скоро-ли прѣдетъ Лука.

Дьяконъ взглянулъ на священника, раскрылъ было ротъ, чтобы сказать что-то, потомъ сложилъ на полъ собранную уже одежду, взявъ шапку и буркнувъ: „сейчасъ!“ быстро вышелъ изъ дому. Черезъ минуту его длинная, раскачивающаяся фигура мелькнула мимо оконъ и исчезла въ снѣжныхъ вихряхъ по направленію къ сторожкѣ, а скоро появился и Лука, сѣдой, дряхлый старикъ. — Слетай-ка, братъ, старый, къ старостѣ. Скажи: дѣло, молъ, есть у батюшки самоваяжнѣющее. Пусть сейчасъ идетъ, — приказалъ о. Василій и, мѣняя тонъ изъ повелительнаго уже въ товарищескій, панибратскій, добавилъ:

— Вотъ оно дѣло-то какое, бѣда, старикъ, чистая!—

А што такъ стряслось-то, батюшко?—прошамкалъ беззубымъ ртомъ Лука.

Онъ, конечно, уже слышалъ отъ дьякона о прѣздѣ владыки, но такая народная деликатность, — первый мужикъ никогда не заговорить съ вами о постигшей васъ неожиданности, особенно неприятной для васъ.

Да, вишь, владыка, владыка преосвященнѣйшій къ намъ ѣдетъ. Вотъ оно дѣло то...

— Ишь ты, колъ те въ шею. — у старика была такая поговорка, онъ и ласкалъ, и ругался этими словами, и раздумье свое выражалъ, мѣняя только тонъ. Владыко ѣдетъ... А пошто?

— На ревизію. И къ намъ заѣдетъ.

— Ну-у, — искренно удивился старикъ. Да вить енъ попъ, только што—наибольшій, дакъ куды жо ему на ревизію? Вить эфта только земской начальникъ, да лѣсничій баринъ ѣздитъ на ревизію, — недоумѣвалъ старикъ. Да и кака еще таперича ревизія? Вить ревизія кругъ Благовѣщенья бываетъ.—

— Дурень ты дурень, — сокрушенно закачалъ головой о. Василій, онъ съ трудомъ понималъ сторожа. — Тѣ, вѣдь, на свалки ѣздитъ, свалки ревизуютъ, а архіерей приходы да церкви осматриваетъ.—

— Ну-у! Вотъ колъ въ шею! Тото я думаю: вить енъ попъ, — какжо такъ?—Но, видимо, для Луки и теперь не все было ясно, онъ то взбрасывалъ красивые, слезящіяся глаза на священника, то разглядывалъ свои пестрые отъ множества всякихъ залпалъ валенки, то съ ожесточеніемъ скоблилъ заскорузлую рукою грязь на собственной лысинѣ.

— Однако иди, иди къ старостѣ-то. Скажи, чтобы всѣ дѣла бросилъ, — провожая Луку изъ кухни, — говорилъ о. Василій.

Но и это напутствіе показалось ему еще мало-убѣдительно и онъ, выскочивъ въ сѣни, еще разъ крикнулъ вслѣдъ шагавшему по снѣжнымъ сугробамъ сторожу.

— Пусть скорѣе идетъ, дѣло, молъ... — стоялъ, посмотрѣлъ на удалявагося Луку, хотѣлъ крикнуть еще что-то, да, сообразивъ, что

тотъ все равно не услышитъ, махнулъ рукой и вернулъся въ комнату.

—Какъ это, батюшка, насчетъ документовъ то пишутъ отецъ протоіерей? Я что-то не хорошо понялъ,—спрашивалъ дьяконъ.

О. Василій прошелъ въ зальце, сѣлъ за столъ и, вооружившись очками, взялъ письмо благочиннаго и, медленно выговаривая слова, началъ читать:

„...Метрическія книги, приходо-расходныя, исповѣдныя росписи, дневникъ“...—Записанъ онъ у тебя?—отводя глаза отъ письма и смотря изъ-подъ очковъ на дьякона, спросилъ чтецъ.

—Со Срѣтенья не записанъ—нѣсколько заминаясь, виновато отвѣчалъ дьяконъ.

—Не забудь, смотри, запиши. Какъ же такъ? А метрики то въ порядкѣ?—заглянувъ въ письмо, снова спросилъ батюшка.

—Въ порядкѣ записаны.

—То-то. А дневникъ сегодня же запиши.—

—Ладно. Запишу. Не забуду.—

„... Дневникъ и алтарная тетрадь,—началъ опять читать о. Василій,—должны быть разложены въ алтарь, на особомъ столѣ и раскрыты на послѣдней заполненной страницѣ, при чемъ метрическія книги сверху, подъ ними приходо-расходныя, особо исповѣдныя (раскрыты на табели). Описи должны быть тутъ же, закрыты. Поставьте чернильницу да перо.—„Ну, понялъ теперь? Запомнишь? Значить, приходо-расходныя подъ низъ, а сверху метрики...—

—Такъ-то такъ, да вотъ насчетъ послѣдней-то страницы какъ они пишутъ, я не могу что-то взять въ толкъ?

О. Василій самъ чувствовалъ, что тутъ онъ тоже не можетъ взять чего-то въ толкъ, а поэтому онъ, слегка разсердившись, недовольнымъ тономъ произнесъ:

—Ну, что тамъ не могу взять въ толкъ? Вѣдь, ясно: „на послѣдней заполненной страницѣ“...—Значить, на послѣдней требъ и надо раскрыть.—Чего еще думать, когда все ясно.—Старикъ не на шутку разсердился на дьякона. Онъ хотя и твердо указалъ на послѣднюю страницу, но не могъ поручиться за то, какую страницу, въ какой части метрикъ благочинный называетъ послѣдней. Ему поэтому хотѣлось, чтобы дьяконъ самъ догадался, а тотъ спрашиваетъ разъясненій.

Но дьякона смущалъ нѣсколько иной вопросъ.

Да послѣднюю то мы хоронили старуху Пришибалиху. А записать-то ее пришлось на новой страницѣ, первой значить,—въ раздумьи говорилъ онъ.

—Вотъ и выходитъ страница то не полная та.—

—Ну-ка принеси метрики. Кстати и подпиши ихъ.—

Дьяконъ пошелъ за метриками.

—Батюшки, время-то время-то! Ужъ часъ съ полудня—заговорилъ о. Василій, взглянувъ на часы и выходя на кухню, гдѣ матушка хлопотала что-то у стола.—Время было обѣдать, а нѣсть не хочется.

Да ты и кофій плохо пилъ. Разстроился, видно. Сейчасъ накрывать стану. Очередь то ужъ надо провести.—

Вернулъся дьяконъ, неся подъ мышкой метрики, завернутыя изъ предосторожности въ толстую сахарную бумагу.

О. Василій принялъ ихъ, прошелъ въ комнату и, раскрывъ, началъ разсматривать, нахло-

нившись надъ столомъ. Дьяконъ всталъ сзади и вытянулся, заглядывая также черезъ плечо о. Василія.—Не знаю ужъ, какъ и быть? Развѣ открыть на первой части,—выпрямился вдругъ тотъ. Дьяконъ, не ожидавшій этого, не успѣлъ отскочить и клюнулъ старика въ голое темя.—Ну... ты, что лѣзешь-то, заворчалъ тотъ, проводя по темю рукою, точно хотѣлъ убѣдиться, не повредилъ ли ему дьяконы головы.

Матушка позвала обѣдать.

За о. Василіемъ перешелъ въ комнату, служившую столовой, и дьяконъ.

—Обѣдать съ нами,—предложила ему попадья, хотя прибора для него не было.

—Благодарю покорно.

Явился староста, плотный рыжебородый мужикъ, съ узкими сѣрыми глазками, низкимъ лбомъ и короткимъ широкимъ носомъ на свѣжемъ румянномъ лицѣ.

—Хлѣбъ да соль! Счастливы къ обѣду, безъ счастливы къ обуху,—промолвилъ онъ, подходя подъ благословеніе.

—Хлѣба кушать,—отвѣчали оба вдругъ обѣдавшіе?

—Что за эхера такая у васъ, о. Василій? Старикъ радъ былъ ложку изъ рукъ вырвать; едва не—едва дообѣдать далъ.—Староста подошелъ къ лежанкѣ и началъ прикладывать къ ней руки, хотя онъ и не позабли.

—Владыка, слышь, ѣдетъ. Около субботы къ намъ, надо быть, будетъ. Такъ церковь нужно помыть да почистить все.

—Та-акъ. Значить, бабъ надо завтра согнать. Хотѣлъ я на мельницу завтра-то ѣхать, муки маловато стало, да и засны подрать надо. А тутъ вотъ оно дѣло-то! Будетъ обойдти сегодня, упредить, а Лука всяко справитъ тутъ.—

—Да Петруньку-то лучше отправь на мельницу какъ ужъ не минуче—вставила свое замѣчаніе попадья.—Лука что столкуеть?

—Оно, конечно, Петрунька справилъ бы на мельницѣ-то, такъ, вишь, надо въ Конасову заѣхать. Тамъ у меня должнику есть получить кое съ кого. Еще на Варвару задано. Ну, Петрунькѣ то не отдадутъ, хотъ теперича народъ и богатый сталъ. Сказывали, хорошо зарабатываютъ. Нѣтъ, съ нароку надо ѣхать, день потерять.—

Порѣшили на томъ, что сегодня староста завербуетъ нужныхъ мыльницъ, а завтра въ церкви за ними посмотрятъ Лука и дьяконъ. На помощь Лукѣ рѣшено было взять школьникова старше.

—Иначе ему не успѣтъ одному-то перечистить все. Иное со-слѣпа и не разглядитъ старый, полу-презрительно, полу-иронически замѣтилъ староста.—Давно говорилъ, смѣнить надо сторожа, батюшко, очень ужъ ветхъ старикъ, того и гляди, бѣды съ нимъ наживешь.—

—Ну, полно, полно! Ишь что выдумалъ—смѣнить за ветхостью!—шутилъ о. Василій.—

—Этакъ ты и меня за ветхостью-то, а?—добродушно похлопалъ онъ по плечу старосту.

—Васъ? за что-же? Бегъ съ вами!—сконфузился тотъ.—Мнѣ чтожъ? По мнѣ пусть... Сами смотрите. Я, вѣдь, для васъ, чтобы какъ лучше, значить, а по мнѣ все равно,—бормоталъ онъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Ильинскій.

Лука сидѣлъ на кухнѣ.

—Такъ ты, Лука ужь постарайся, чтобы все, значить, въ порядкѣ было,—говорилъ ему староста, распрощавшись со священникомъ, матушкой и дьякономъ и выходя черезъ кухню на улицу.

Съ крыльца онъ вернулся и, не заходя въ комнаты, громко проговорилъ:

Уличку-то, дорожку токъ церкви пусть онъ почистить, батюшко. Проходу нѣтъ, занесло.—

—Прохоръ Фадденчъ, а Фадденчъ!—раздался, было, голосъ батюшки, но тотъ уже мелькнулъ подъ окнами.—Вороти-ка его, Лука, закличь!—подходя къ дверямъ на кухню, приказалъ о. Василій.

Старикъ выбѣжалъ на улицу и закричалъ:

—Фадденчъ! Фадденчъ! Староста!—Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, но, видя, что тотъ остановился и прислушивается, замахалъ рукою и снова закричалъ:

—Воротись, говорю; батюшко влечеть.

Староста вернулся въ домъ.

—Я и забылъ было. Надо, вѣдь, въ люстру новыя свѣчи поставить. Можетъ, зажечь придется, такъ не хорошо огарки-то. Ты ужь приди въ четвергъ.—

—Ладно, приду, буде успѣю, а нѣтъ-и въ пятницу можно наладить.—

—Экой ты, право, какой, въ пятницу. А не ровней часъ, въ пятницу то нагривутъ, что тогда? Нѣтъ, паря, надо все это заблаговременно.—

Староста помолчалъ было, уставясь глазами въ полъ, точно соображалъ, успѣетъ ли онъ придти въ четвергъ, и потомъ промолвилъ:

—Инь ладно уже, сунусь въ четвергъ. Больше ничего? Ну счастливо оставаться. Досвиданья!—Батюшка вернулся въ комнаты.

На другой день съ утра церковныя двери открыты, идетъ мытье и уборка. Лука и дьяконъ сбились съ ногъ: то въ церковь, то изъ церкви бѣгутъ затѣмъ-то. А вотъ и о. Василій торопливой, старческой походкой спѣшитъ туда же. На крыльцѣ они встрѣчаются съ Лукой.

—Ахъ, старикъ старикъ,—укоризненно качаетъ головой о. Василій,—какъ тебѣ не стыдно! Унялъ бы ты ихъ, ишь, куда льютъ помой-то, въ самому крыльцу! Лѣнь дальше, за ограду-то вынести!—

Лука хотѣлъ было возразить, что вѣдь, все равно, сейчасъ занесетъ снѣгомъ всю грязь, да промолчалъ, только поклоналъ на батюшку своими красными, слезящимися глазами и смущенно пошелъ за нимъ въ церковь.

При появленіи батюшки легкой полу-говоръ, полушопотъ, что раздавался между мыльщиками и дѣтниками, стихъ.

—Богъ въ помощь, дѣтушки-ласково отвѣчалъ священникъ на поклоны тѣхъ и другихъ.—

—Потрудитесь, потрудитесь Бога для, родные.

Бабы, поощряемыя ласковымъ голосомъ пастыря, еще усердѣе принялись смачивать черной, давно некрашенный полъ и растирать по нему грязь, дѣти тоже, съ наклоненными на бокъ головками и красными отъ натуги личками, кажутся, изъ силъ выбивались, начиная мѣломъ полсквѣнника, лампы, цѣпи. Мѣлъ визжалъ, скрипѣлъ, цѣпи звенѣли и на лбу дѣтишекъ крупными каплями выступалъ потъ. Вдругъ,—

трахъ!—и съ трескомъ и звономъ покатила по полу лампада.

—Тише, милые, тише, легче надо!—успокаивалъ ретивыхъ помощниковъ Луки о. Василій.—Этакъ вы все перемнете! Такъ и есть, такъ и есть, ушки-то у кадила и помяли! Экіе вы медвѣди, прости Господи! Говорю, не надо такъ нажимать! Что теперь дѣлать-то? Отецъ дьяконъ, поди-ка, не можешь-ли, братъ, наладить, а?—

Бабы стоятъ съ ветошками въ рукахъ и смотрятъ на собравшуюся у ручки грунцу; о. Василій разсматриваетъ помятое кадило; дѣтишки, собравшась въ кучу, перекоряются другъ съ другомъ, кто виновникъ порчи; видны возбужденныя лица и сердитые, косые взгляды, которые бросаютъ другъ на друга спорящіеся.

—А гдѣ-же чашка-то?—вдругъ обезпеченно спрашиваетъ о. Василій.—Вотъ тутъ въ кадилѣ есть такая чашечка, чтобы она не прогорало,—поясняетъ онъ недоумѣвающимъ ребятамъ. Тѣ поняли и снова заволновались.

—Ты куда ни есть клалъ, Васенька!—приступаетъ одинъ къ другому.

—Отвяжись, Степка Митрошканъ держалъ, не я!—Да кто чистилъ-то? Вѣдь, Сидоровъ Митька!—

Наконецъ чашка найдена на полу за ручкой и подана о. Василію.

Дьяконъ между тѣмъ валявшимся тутъ же на окнѣ гвоздемъ быстро исправляетъ поврежденіе въ кадилѣ.

—Вы полегче, дѣтушки, не нажимайте шибко,—мягко уже урезониваетъ о. Василій,— Не бойтесь, отойдетъ; не скоро, да отойдетъ. Помните, скоро да не споро. Да не разбрасывайте отдѣльных частей-то, затерять можно,—уже оборачиваясь, на ходу заключаетъ онъ свое наставленіе.

—А куда же мы, отецъ дьяконъ, столъ поставимъ, тѣсно вѣдь? Священникъ съ солей заглядываетъ въ алтарь. Послѣ мытья оттуда не сеть какой то не то прѣлью, не то чѣмъ-то кнѣлымъ и смѣсю ладона съ воскомъ.

Дьяконъ черезъ плечо о. Василія тоже силится заглянуть въ алтарь, будто ожидаетъ увидѣть тамъ нѣчто новое. Но новаго ничего не оказалось. Также низко нависъ изъ-желта грязный потолокъ, также робко прижался къ углу продолговатый жертвенникъ, на престолѣ таже, мѣстами поцѣрѣвшая отъ пролитого когда-то на нее деревяннаго масла и закапанная воскомъ грязная парчевая одежда.

—Буде, въ тотъ уголь поставить,—показываетъ кивкомъ головы дьяконъ.— Больше куда поставить? У васъ въ залѣ-то есть маленькій столикъ...—

—Развѣ что такъ сдѣлать,—соглашается о. Василій. Оба говорятъ въ полъ голоса.

—Надо-бы сосуды почистить и дарохранильницу послѣ нѣкотораго молчанія замѣчаетъ батюшка.

—Ладно, уже домоютъ, такъ потомъ и вычищу. Я думаю, мыломъ ужь надо.—

—Мыломъ, мыломъ и теплой водичкой.

Возьми домой, дома и вычистишь.—

—Ладно, хорошо.

Наконецъ въ церкви все вымыто, вычищено. паутина по угламъ и пыль за иконами сметены.

староста съ Лукой, поддерживавшимъ лѣтвицу, поставили въ кюстру новыя свѣчи. На престолѣ, жертвенникѣ и аналогіи красуются новыя, пасхальныя облаченія. Кажется, по части чистоты и порядка въ храмѣ сдѣлано все, что можно было. Однако, о. Василій и дьяконъ всетаки не спокойны, все имъ думается, что то забыто, упущено, что то надо вбратъ, подладить и они разъ по десяти на день бѣгаютъ въ церковь, заглянуть въ алтарь, постоятъ у клироса, переложать съ мѣста на мѣсто какую либо книгу и тихо поплетутся вонъ изъ церкви.

— Старайся, старайся, дѣдъ, не подгадь, — подбодряетъ о. Василій Луку, который, крехтя и охая, въ сотый, кажется, разъ принимается расчищать дорогу къ церкви и крыльцо, погода, какъ на зло, не унимается и дорогу постоянно заноситъ снѣгомъ.

Вотъ наконецъ и страшный день. Съ утра не въ себѣ и о. Василій, и дьяконъ. Безпокойство предыдущихъ дней въ обоихъ ихъ достигло сегодня своего maximuma.

Первый въ шерстяной фисташковаго цвѣта рясѣ, которую онъ надѣваетъ только два раза въ году, въ Пасху и престольный праздникъ Ильи пророка, а остальное время она спрятана у матушки въ шкафу, въ смазныхъ сапогахъ съ поряжѣлыми голенищами, — сшпиги тоже уже лѣтъ десять назадъ, сидятъ въ алтарѣ. Дьяконъ тоже въ рясѣ, онъ стоитъ у окна и смотритъ въ мутную даль и озеро, по которому проходитъ дорога.

— Не видишь? — робко спрашиваетъ о. Василій.

— Не видать, — отвѣчаетъ дьяконъ. Молчаніе. Тишина въ храмѣ изрѣдка нарушается сдержаннымъ въ руку покашливаніемъ дьякона, да глубокими вздохами о. Василія.

— А библиотеку-то мы и забыли съ тобой, — вспоминаетъ вдругъ послѣдній съ тревогой въ голосѣ. — Ну, какъ заглянуть, что тогда? Эхъ, дьяконъ, дьяконъ! И какъ тебѣ не стыдно, право! Ужъ чего не досмотришь, да не сдѣлаешь самъ, ты не схватишься! Какой ты, право! —

Въ обычное время о. Василій не имѣетъ повода жаловаться на дьякона, онъ хотя и мало ученый, да въ сферѣ своей всегдашней дѣятельности „усердный, исполнительный, какъ всегда аттестуетъ благочинному своего помощника священникъ, Теперь же все эти дни старикъ самъ не свой, а потому и ворчитъ на всѣхъ. Оба идутъ изъ алтаря къ сѣрому шкафу, то стоитъ у задней стѣны въ правомъ углу. Дьяконъ снимаетъ фальшивый замокъ, очевидно, повѣщенный только такъ для виду, и раскрываетъ дверцы. Громкое названіе библиотеки, оказывается, присвоено десятку сборниковъ поученій, двумъ-тремъ житіямъ святыхъ, журналу „Руководство для сельскихъ пастырей“ года за два, да внушительнымъ стопкамъ синодальнаго органа. Тутъ же служба св. кн. Владиміру, служба Покрову, „Чинъ, како пріимати заблудшихъ“ и церковныя документы за прежніе годы, которые, нельзя сказать, что бы хранились въ порядкѣ.

Священникъ и дьяконъ начинаютъ перебирать библиографическія сокровища, при чемъ о. Василій и не замѣчаетъ, что на его фисташковую рясу густымъ слоемъ садится сѣрая пыль.

Окончивъ это дѣло, оба снова направляются въ алтарь. Взглядъ батюшки случайно обраща-

ется на чернильницу и вставленное въ нее дьякономъ перо. Онъ беретъ перо въ руки, очевидно, желая убѣдиться, хорошее ли оно; пальцы оказываются въ чернилахъ.

— Ну, къ чему ты, спрашивается, черниль столько налил? Что думаешь, умываться ими владыка будетъ? Чай, не писарь онъ, — сердится старикъ, точно и впрямь писаря умываются ими. — Да еще и перо обмокнуть въ чернильницу! — И онъ отвертываетъ рясу- подрясникъ и обтираетъ перо объ лѣвую сторону послѣдняго. Потомъ онъ со вздохомъ садится въ старенькое деревянное кресло, а дьяконъ занимаетъ прежній наблюдательный постъ у окна.

— Прихожанъ то никого нѣтъ, — черезъ нѣкоторое время заговариваетъ дьяконъ.

— Можетъ, подберутся еще, только ужъ не знаю. Вишь, курево, свѣту Божьяго не видно, а народъ то у насъ какой? И въ красный день не придутъ въ храмъ Божій. —

— Не знаю... народъ-то вишь какой... А вотъ думаю я, какъ бы не сталъ ругаться, что мы безъ облаченій ждемъ его. Хотѣ и писалъ вчера отецъ протоіерей, что облачаться не надо, да все какъ то... не ловко, какъ будто... —

Между тѣмъ на улицѣ дѣйствительно „не видно свѣту“, какъ выразился о. Василій, сегодня вѣтеръ еще злѣе, еще сердитѣе, чѣмъ даже въ прошлые дни; такъ и сбиваетъ съ ногъ, такъ и засыпаетъ глаза и уши сухимъ и твердымъ, точно песокъ снѣгомъ. Въ такую погоду вѣхать лѣвомъ и то жутко, тоскливо и утомительно, а вѣхать по озеру, по этой однообразной глади, раввернувшейся на десятки верстъ, составляетъ чистое мученье. И о. Василій, и дьяконъ уже не однажды пожалѣли и епископа и его предполагающихся спутниковъ, хотя ни тотъ ни другой и думать не могли, какую неприятность въ ихъ мирной жизни доставитъ именно то обстоятельство, что архіерей вѣдетъ къ нимъ во время пурги. Да и послѣ, когда уже все прошло, все забылось, а осталось въ памяти только фактъ, что въ № году Кадому посѣтилъ архіерей, ни тотъ, ни другой этой пургѣ не придавали должнаго значенія...

Теперь же... теперь они сидятъ и ждутъ.

— Не вдутъ? — уныло спрашиваетъ о. Василій.

— Нѣтъ, не видать еще, — въ тонъ ему отвѣчаетъ дьяконъ и старикъ снова склоняетъ на грудь свою сѣдую голову.

О чемъ онъ думаетъ? Онъ позябъ, руки стали почти синія, ноги тоже сильно прозябли. Однако старикъ, какъ видно, потираетъ руками и потираетъ ногами совершенно машинально, безъ участія сознанія. Мысль его тамъ гдѣ-то, въ этой звѣжжой мятели, около того страшнаго человѣка, въ рукахъ котораго счастье и спокойствіе многихъ сотенъ жалкихъ о. Васильевъ и еще болѣе жалкихъ дьяконовъ. „Вѣда, если замѣтить что неладное, или не поправится ему что, не дастъ и году то дослужить, Господь его знаетъ, какой онъ. Скажетъ: „старъ, на покой надо и поди,“ думаетъ про себя о. Василій. „А можетъ — ничего, можетъ, добрый онъ; говорить, простей. „А что же ты безъ камиллавки?“ спроситъ. „Не удостоился, скажу. Владыка честный!“ „Какъ? почему? Отецъ протоіерей, почему не представляете такого почтеннаго старца къ награждѣ? Надо, надо ему камилливу за безпорочную службу! Обязательно представьте въ первую очередь!“ О. Василій знаетъ,

что благочинный уже не разъ представлялъ его, да въ консисторіи все какъ-то его обходятъ... Тутъ старикъ спохватывается и ловить себя на честолюбивыхъ помыслахъ. Отъ стыда за нихъ онъ даже закашлялся. „О, Господи! потерпи грѣхамъ, пронеси, Царь Милостивый! „Онъ молитвенно складываетъ руки, таяжко вздыхаетъ и поднимаетъ глаза на запрестольное распятіе.

— Не видать?—черезъ минуту спрашиваетъ онъ и, помолчавъ, добавляетъ:—пойти развѣ домой, погрѣться маленьки, шибко прозябъ.—

Отъ Василия выходитъ изъ алтаря, надѣваетъ шубу и галоши и тихо бредетъ изъ церкви.

Сильный вѣтеръ такъ и сбиваетъ съ ногъ, онъ поднимаетъ, крутитъ сухой, точно песокъ, снѣгъ, выдаетъ его въ глаза, въ уши, за воротникъ. На озерѣ зги не видно.

Рѣшилъ идти погрѣться и діаконъ. На паперти ихъ встрѣчаетъ Лука, бывший тоже на наблюдательномъ посту, на колокольнѣ и сильно тамъ продрогшій.

— Ты, Терентій, ужъ пожалуйста не про- карауль. Озябъ, да ужъ что станешь дѣлать то, ишь, крутить какъ. Дорогу то шибко, я знаю, занесло, какъ и попадетъ преосвященство?

И вотъ о. Василій дома. Хорошо около лежаночки. Онъ прижимаетъ къ ней окоченѣвшія почти руки.

— Выпей кофейку, Василій Степановичъ, обогрѣйся,—говоритъ матушка. И только что разлилъ о. Василій чашку на блюдце и поднесъ его къ губамъ, какъ вихремъ врывается дьяконъ.

— Ъдутъ, ъдутъ,—точно глухому кричитъ онъ, о. Василю, держась лѣвою рукою за ручку двери, а правою сильно жестикулируя.

Старческая рука дрогнула и содержимое блюдца полилось на подраясникъ. Рясу о. Василя предупредительно распахнулъ, чтобы какъ-либо не капнуть.

Ничего не видя, не различая, поблѣднѣвшій, бѣжитъ за дьякономъ о. Василій, бѣжитъ въ чемъ былъ, даже шубы не одѣлъ, еще хотъ матушка шапку на голову, на ходу, накиннула.

Спотыкается старикъ чуть не падаетъ, съ трудомъ выдерживая ноги изъ снѣга,—дорожку мѣстами словно завѣяло. А поѣздъ ужъ у церковнаго крыльца.

Владыка, дородный, съ большой съ просѣдью бородой, мужчина, торопливо входитъ въ церковь. Сверху доносится отчаянный перезвонъ. То Лука, замѣтившій поѣздъ только, когда лошади уже поднимались въ гору съ озера, теперь навесываетъ потерянное. Архіерей быстро, не раздѣваясь,

прошелъ въ алтарь приложился ко кресту на престолѣ и развернутому антиминсу. Онъ былъ сильно недоволенъ и раздраженъ. Дорогу по озеру занесло и полулежать въ возкѣ, во множествѣ мѣховъ, такъ утомительно. Владыка оглянувшись однимъ быстрымъ взглядомъ и алтарь и церковь и устался на стоящаго въ смиренной позѣ со сложенными руками дрожащаго о. Василя. Быстро мелькнула въ воздухѣ рука, мелькнула и исчезла. Какъ въ туманѣ о. Василій чмокнулъ пустой воздухъ.

— Пьянствуете,—доносится откуда-то сверху рѣзкій, сердитый голосъ.—Ничего не дѣлаете, не служите, дороги къ храму нѣтъ даже. Половина прихода раскольники. (Объ этомъ уже дорогой сообщилъ ему, ѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ, благочинный). А у васъ только бутылки на умѣ. По монастырямъ разгону...

Не лютуютъ, а какъ то падаютъ сверху въ сознание о. Василя грозныя слова, точно раскаленное олово, жгутъ мозгъ, но не воспринимаются имъ. И вдругъ...

— Виновать, преосвященнѣйшій владыко.

— Виновать, владыко,—дрожить шелотомъ дьяконъ.

И оба низко чуть не до земли кланяются, поклонится о. Василій, поклонится и дьяконъ.

— Обоихъ не мѣсяць въ монастырь. Глѣвно приказываетъ кому-то архіерей и оставляетъ оглушенныхъ, убитыхъ о. Василя и діакона, быстро уходитъ изъ церкви и раздраженный, злой садится въ возкѣ. Все исчезаетъ.

Въ Шулуму,—рѣзко приказываетъ онъ. За нимъ едва неслѣваютъ благочинный и келейникъ. Звякнули разъ другой колокольцы и все исчезло.

— О, Господи Владыко!—О. Василій съ глубокимъ стономъ опускается на свое кресло и истерическія мучительныя рыданія огласили мрачные низкія своды алтаря. Не выдержало старое сердце!

Старикъ заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца.

* * *

Съ трудомъ удалось протоіерею отговорить епископа отъ немедленной отправки Гадомскаго причта въ монастырь на послушаніе.

Только возвратившись домой и затребовавъ за различные годы неслужные списки обоихъ, убѣдился архіерей въ ихъ полной невинности: тамъ въ графѣ, „кто какого поведенія“ стояла одна и таже благочинническая помѣтка: Весьма похвальнаго.“

— А все-таки... все-таки сами признались,—и архіерей въ недоумѣніи разводилъ руками.

В. И-ий.

Стой, братъ, подъ знаменемъ Христовымъ,
Съ оружіемъ въ рукахъ,
Будь къ битвѣ ты всегда готовымъ,
Ибо силенъ твой духовный врагъ.

Облекися въ броню правды,
Шлемъ спасенія надѣнь,
Препояшь и мечъ духовный,
Будь во бдѣнныи ночь и день.

Непрестанно будь въ молитвѣ,
Съ ней вставай и съ ней ложись;
И въ опасной оной битвѣ
Весь на Бога положишься.

Своихъ силъ въ тебѣ немного,
И тѣ слабы, какъ тростникъ;
Ты лишь помощію Бога
Будешь силенъ и великъ.

Будь всегда вооруженнымъ,
Не снимай ты тѣхъ доспѣхъ,
Не считай врага сраженнымъ,
Онъ всегда найдетъ успѣхъ
Уязвить тебя стрѣлою,
Отравить ядомъ грѣха
И увлечь тебя съ собою
Въ пропасть ада навсегда.

И. О. Чудинъ.

Чти старыхъ.

(Народный сказъ).

Чти отца твоего и матерь твою, да благу твоя будетъ, и да долготы дни будешь на земли. (Кн. Исходъ, XX гл. 12 ст.).

То было давно... Очень давно... И не въ нашей бѣдной сторонѣ, а тамъ, далеко, въ привольныхъ степяхъ, гдѣ яркое солнышко все лѣто привѣтливо смотритъ на землю, нѣжно ласкаетъ ее своими животворными лучами. Гдѣ и дождикъ-то бываетъ только тогда, когда это нужно для самой земли, когда она, кормилица, затоскуетъ и запроситъ его у Бога.

И люди тамъ жили прииваючи. Не изнывали надъ землей въ тяжелой работѣ. Она, матушка земля, въ той сторонѣ добра была и давала мужичкамъ всего въ изобиліи. Не вѣдомо имъ было, что значить ухаживать за землей. Она давала имъ плодъ безъ всякаго ухода. Бывало, придетъ время пахать, выйдетъ мужичекъ въ поле съ сохой-андреевной, ковырнетъ ею землю разъ, другой, разбросаетъ сѣмена, и глядишь, осенью соберетъ урожай такой, что не въ проворотъ.

Не знали въ той сторонѣ мужички, что такое плугъ, что значить тронуть землю, унавоживать ее. Она и безъ всего этого давала имъ преизобильные урожаи.

И такъ шли годы за годами, шля цѣлыя столѣтія.

Мужички въ той счастливой, привольной сторонѣ за такое житье-бытье только Бога благодарили, помня его милость и щедроту къ нимъ. Жили по заповѣдямъ Господнимъ, да по завѣтамъ своихъ стариковъ, наставлявшихъ молодое поколѣніе на добрую, правильную жизнь.

И все у нихъ было хорошо... Всего было вволю... Была, какъ говорится, тишь да гладь, да Божья благодать...

Но врагъ рода человѣческаго позавидовалъ такому счастливому благополучію, а тѣмъ паче мирному людскому житью въ той сторонѣ.

Уже извѣстно, что ничто такъ не отдаляетъ людей отъ Бога, какъ счастливая, безпечальная жизнь, когда люди не вѣдаютъ ни горя, ни печали.

И вотъ понемногу, да помаленьку, мужички при привольной, да довольной своей жизни стали забывать завѣты своихъ стариковъ. Завелась у нихъ праздность, а отъ праздности появились дурные навыки: пьянство, да игры зазорныя, да развратъ.

Бывало, прежде всѣ свои досуги посвящали мирнымъ бесѣдамъ на своихъ сходахъ о Богѣ, о матушкѣ землицѣ, а въ праздники собирались въ свои храмы, гдѣ время проводили за богослуженіемъ и слушали тамъ слово Божіе, что читали имъ ихъ любимый батюшка. Не только отъ стариковъ, но и отъ самой зеленой молодежи нельзя было услыхать чего-либо непристойнаго, безчиннаго, какое-либо озорство увидѣть. Всѣ были веселы и серьезны.

Боже сохрани, чтобы произошла между кѣмъ либо ссора, а тѣмъ болѣе драка. Туда сейчасъ же

спѣшили всѣ и устанавливали нарушенный мирный порядокъ. Да и случаевъ такихъ почти не бывало,—развѣ какъ исключеніе, рѣдкость. Всѣ другъ о другѣ заботились, другъ друга любили и другъ другу помогали въ бѣдѣ-ли, въ горѣ-ли...

А теперь вотъ стало совсѣмъ не то. Остыли другъ къ другу. А особенно молодежь околчилась на стариковъ за ихъ наученіе къ доброй, разумной жизни. Перестали старики пользоваться отъ своей молодежи уваженіемъ. Мало того—стариками стали пренебрегать, стали чинить надъ ними издѣвательства, насмѣшки. Ихъ наставленія и правоученія стали высмѣивать, говоря—что все это уже отжило, все глухо, что они сами теперь устроить свою жизнь поповому.

И устраивали жизнь поповому...

И полилась широкой волной по той сторонѣ новая разгульная жизнь, полная разныхъ пороковъ.

Всѣ забыли Бога, забыли свою матушку-кормилицу землю, хотя попрежнему ковыряли ее сохой, забыли свои святые храмы, прѣмьняли ихъ на грязные трактиры, отвернулись отъ своихъ духовныхъ отцовъ-батюшекъ, стали слушать крикуновъ, да горлопановъ, которые потворствовали всякимъ безчинствамъ.

А особенно тяжело стало жить старымъ людямъ. Много было пролито горькихъ слезъ изъ старческихъ очей. Не житье настало старикамъ въ своихъ родныхъ семьяхъ, а мука—мученская.

И вездѣ-то у всѣхъ стало худо...

И кормилица земля не потерпѣла отъ людей такого беззаконія. Болѣе же всего она вознегодовала на людей за дурное отношеніе къ старымъ людямъ. А такое дурное отношеніе къ старикамъ, да еще и незаслуженное, она принимала какъ бы и къ себѣ, потому что она, матушка земля, всѣхъ стариковъ и старухъ старѣе. Годовъ-то ей а пестецъ.

Перестала она оказывать мужичкамъ свое благоволеніе за ту ихъ неправильную жизнь. Пещли: то засухи, то вымочки. Ужъ не стало хватать хлѣба на круглый годъ, до новаго урожая, какъ бывало прежде, и приходилось имъ сплоснъ да рядомъ перебиваться кое-какъ.

И въ своемъ сердечномъ грѣховномъ заисѣніи не могли понять люди отчего на нихъ пошла такая напасть.

Стали въ той сторонѣ мужички собираться вмѣстѣ. Судили, да радили—какъ быть, какъ горю помочь, что сдѣлать, чтобы земля родила хлѣбъ попрежнему. Много спорили, вздорили, не разъ подрались между собою, а придумать все-таки ничего не могли...

Наконецъ нашелся одинъ такой умникъ, что предложилъ міру избавляться отъ лишнихъ ртовъ. А кто же эти лишніе рты?

Старики, да безнадежно больные люди.

Понравился этотъ злой совѣтъ сходу. Всѣ его одобрили и тутъ же постановили, что какъ только въ какой-либо семьѣ старикъ или старуха доживетъ до такого возраста, когда не въ силахъ будетъ работать тяжелую земледѣльческую ра-

боту, то семья та такого стараго человека должна отвезти въ сосѣдній дремучій боръ, тамъ его убить и закопать въ землю.

И вошло такое мірское постановленіе въ той сторонѣ въ обычай. Почти безъ содроганія въ сердцѣ стали предавать смерти своихъ престарѣлыхъ, да больныхъ людей. А тѣ, кого ожидала такая злая участь, безропотно подчинялись этому. И такъ все ежились съ такимъ обычаемъ, что считали его за законъ.

* * *

— Игнатъ, а Игнатъ! Ты отвезь-бы батю-то въ боръ!.. А то, мотри, сосѣди вѣдь неладно про насъ бають. Вонъ, гуторять, Игнатову старпку ужъ давно вышелъ срокъ везти его въ боръ, а Игнатъ, молъ, и не чешется!.. Ну, такъ мы, бають, заставимъ его силой!.. Я даве ходила на рѣчку за водой и слышала отъ бабъ такіе разговоры,— такъ говорила Мавра, немолодая, худоцавая и худосочная, когда то красивая баба, съ большими, нѣсколько злыми, но весьма выразительными глазами, своему мужу Игнату.

— Ладно.. отвеземъ!..— какъ будто нехотя и не обращая вниманія на слова своей жены произнесъ Игнатъ.

Игнатъ, мужикъ лѣтъ за пятьдесятъ, маленькаго роста, съ свѣтлыми русыми волосами на головѣ, которые безпрестанно падали на глаза при движеніи головы, съ тоскливымъ, робкимъ взглядомъ, сидѣлъ въ своей избѣ около двери и чинилъ рваный халатъ.

Мавра бойко возилась возлѣ печки, вытаскивая оттуда большіе горшки съ теплой водой и выливая ее въ ушатъ. Видимо она сердилась на своего мужа и замѣтно волновалась, а онъ чувствовалъ себя виноватымъ и отмалчивался.

— Что ладно-то!.. Ужъ это ладно давно отъ тебя слышали!..— сердито обратилась баба къ Игнату.— Твое ладно доведетъ насъ до бѣды. Мотри, мужики вѣдь не будутъ долѣе терпѣть. Тебѣ объявлено, что сходи рѣшишь, ну и надо отвезти стараго въ боръ. На кой лядъ его столько времени кормить. Вонъ мужики бають, что ты первый такой ослушникъ выискался, что не отвозишь отца въ лѣсъ, а допрежь этого никогда и не бывало. Если такъ-то дѣлать, то много разведется личинихъ ртовъ. И то хлѣба во всей округѣ ни у кого нѣтъ. У всехъ хотъ шаромъ покати. Эва-то мы и сама дождаемъ послѣдній каравай. А что будемъ дальше дѣлать?! До новаго-то хлѣба и вотъ какъ еще далеко!.. Да и будетъ-ли онъ?!

Мавра, говоря это, раздражалась все болѣе и болѣе.

А Игнатъ молча выслушивалъ укоры своей жены, изрѣдка отрывая свои грустные глаза отъ работы и, встряхивая волосами, съ болью въ сердцѣ украдкой поглядывалъ на печку.

Съ печки слышались по временамъ тяжелые вздохи. То вздыхалъ старикъ Панфилю, отецъ Игната, про котораго Мавра вела свою рѣчь.

Бѣлая, какъ луна, голова Панфила едва-едва видѣлась въ темной глубинѣ большой печки. Онъ былъ очень старъ, слабъ и постоянно лежалъ на печкѣ. Зналъ Панфилю, что его участь давно ужъ рѣшена, что сходи порѣшилъ отвезти его, какъ лишняго бѣдока, лишній ротъ, въ боръ, но не спрашивалъ—отчего его не отвозятъ. Въ душѣ онъ понималъ, что его сынъ Игнатъ жалѣетъ ста-

рика и былъ глубоко ему благодаренъ. Понималъ, что Игнату приходится много терпѣть нападковъ и отъ сосѣдей, и отъ жены своей, и что все-таки придетъ ему, старому, никому не нужному, конецъ!.. а жить еще такъ хотѣлось!.. Хотъ съ печки взглянуть на яркое солнышко!..

— Давай, Игнатъ, вынесемъ ушатъ съ водой во дворъ,— попросила Мавра.

Игнатъ отложилъ въ сторону свою работу, не торопясь поднялся и помогъ женѣ.

— Ужъ ты какъ хочешь, а отвози стараго въ боръ, завтра же отвози,— приставала баба, сердито взглядывая на робкаго Игната.

— Отвезу, отвезу,— нехотя соглашался мужикъ, возвращаясь въ избу.

Въ это время послышался рѣзкій, нетерпѣливый стукъ въ подоконникъ и чей-то хриплый, глухой голосъ на улицѣ подъ окномъ звалъ Игната.

Игнатъ подошелъ къ окну. Подъ окномъ стоялъ деревенскій староста.

— Ты что, Миронъ?

— Да вотъ что, Игнатъ,— началъ староста съ широкой рыжей бородой, снявши съ головы дырявую войлочную шляпу и запустивъ свои пальцы въ густые волосы на головѣ, которые цѣлой копной торчали во все стороны. Лицо старости, рябое и веснушчатое, выражало безпокойство и тупое озлобленіе. Онъ былъ готовъ, повидимому, вступить съ Игнатомъ въ перебранку. Нервно теребилъ въ рукахъ свою шляпу, а затѣмъ, быстрымъ движеніемъ набросивъ ее на голову, заговорилъ:

— Ты, братъ, Игнатъ, того!.. Не доводи, Игнатъ, до грѣха!.. Самъ знаешь, что міръ, тово, постановилъ!.. Ну, такъ вотъ, тово, ты и отвози батьку-то въ боръ. Не жди, когда тебя силомъ заставимъ!.. Чать порядку, тово, знаешь?! На кой лядъ стараго пса кормишь хлѣбомъ!..

Игнатъ тяжело дышалъ и молча слушалъ. Въ его грустныхъ, ласковыхъ глазахъ свѣтилась скорбная мольба о пощадѣ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, какъ вошедшая въ избу Мавра тоже набросилась на него съ цѣлымъ потокомъ всевозможныхъ упрековъ.

Игнатъ печально поникъ головой. Волосы безпорядочными прядями свѣсались съ его озабоченной головы.

Съ печки не слышно было ни шороха. Старикъ понималъ, что говорили о немъ, и былъ ни живъ, ни мертвъ.

Не долго молчалъ Игнатъ. Онъ встряхнулъ головой, откинувъ волосы назадъ, гордо выпрямился, въ глазахъ его вдругъ загорѣлась какая то отчаянная рѣшительность и онъ заговорилъ такъ, какъ не говорилъ никогда и ни съ кѣмъ.

— Ну, да ладно, ладно, староста, отвезу!.. Завтра же отвезу!.. Готовъ, Мавра, все, что треба для стараго. А завтра чуть свѣтъ, я и поѣду съ батей!.. Ау, что дѣлать!.. Хоша и жалъ, а кончить надо!.. И самъ понимаю. Хлѣба-то вотъ нѣтъ!..— У Игната лицо вдругъ какъ-то преобразилось. Изъ грустно-безнадежнаго оно сдѣлалось торжественно-спокойнымъ и самоувѣреннымъ. Онъ что то задумалъ и думу свою затаилъ въ сердцѣ.

— Ну, такъ вотъ такъ, Игнатъ!.. Отвози отвози, тово, стараго-то въ лѣсъ!.. Буде дурака-то ломать!..— говорилъ староста, отходя отъ избы.

Быль теплый апрѣльскій вечеръ. Дождикъ, первый весенній дождикъ только что пересталъ идти. Въ чистомъ воздухѣ пахло свѣжей землей и молодой распутившейся зеленью. Заходящее солнце, вырвавшееся изъ легкихъ закрывавшихъ его облачковъ, радостно бросало свои прощальные ласковые лучи на орошенную теплую землю.

Все въ природѣ ликовало... Все радовалось ея обновленію... Дышалось легко, легко...

Не веселье былъ только Игнатъ, сидѣвшій на телѣгѣ и изрѣдка погонявшій свою заморенную клячку. Онъ ѣхалъ отъ своей деревни по направленію къ премучему бору.

Съ нимъ сидѣлъ отецъ его—старикъ Панфиль,—одѣтый, несмотря на теплую погоду, въ рваный овчинный полушубокъ, мѣховую шапку и валенные сапоги. Онъ сидѣлъ, понуривъ голову и изрѣдка тяжело вздыхалъ. Зналъ онъ, что пришелъ его конецъ. Что въ лѣсу ждетъ его смерть, и тяжело было у старика на душѣ.

Но еще тяжелѣе было на сердцѣ у Игната. Онъ страшно негодовалъ на свой деревенскій міръ, такъ легко, такъ безсердечно предававшій своихъ стариковъ, одиодеревенцевъ, лютой смерти. Его добрая, мягкая душа никакъ не могла примириться съ дикимъ безчеловѣчнымъ обычаемъ, но идти противъ міра онъ былъ не въ силахъ и долженъ былъ молчать и подчиняться.

— Батя, а батя, ты не пужайся,— обратился Игнатъ къ старику.—Я тебя убивать не буду... не могу... не хочу...

Игнатъ смахнулъ выкатившуюся изъ его глазъ слезу и нервно задергалъ свою клячку возжами.

— Я тебѣ, батя, сдѣлаю въ лѣсу землянку, ты въ ней и будешь жить, доколѣ Богъ велитъ. А тамъ, что будетъ... Я никому не скажу, никто и не узнаетъ, что я тебя оставилъ жить.

Старикъ отецъ слушалъ и молчалъ. Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Зналъ онъ и твердо былъ увѣренъ, что сынъ Игнатъ везетъ его, старика, на вѣрную смерть. Сознаніе Панфила было страшно подавлено. Одна безотвязная, назойливая мысль владѣла старикомъ всецѣло, и эта мысль была—мысль о неминуемой смерти.

Но при послѣднихъ словахъ Игната у Панфила въ потускнѣвшихъ, безцвѣтныхъ глазахъ вдругъ вспыхнулъ слабый огонекъ какой-то надежды.

— Неужто я ослышался, что сказалъ сынокъ-то,—и Панфиль робко поднялъ голову, взглянувъ на Игната.

А Игнатъ во все глаза прямо и рѣшительно, съ торжествующей улыбкой на лицѣ, смотрѣлъ на своего отца.

Посмотрѣли другъ на друга.

И повѣрилъ старикъ своему сыну.

— Какъ же это такъ, Игнатушка, ты сдѣлаешь?—спросилъ Панфиль.

— А что-жъ, батя, не сдѣлать, когда у меня рука не подымется на тебя!.. Хоша и старый ты, и бесполезный для меня, а все-же ты мнѣ отецъ, и я не могу... ну, вотъ прямо не могу сдѣлать,—чего міръ хочетъ...

Сынъ помолчалъ. Они подѣзжали уже къ бору.

Вѣковыя деревья издалека манили своей таинственностью, своей загадочностью. Окрестные жители селеній боялись этого бора. Много, много въ немъ погибло и погребено старыхъ жизней.

Ночью по временамъ люди слышали какіе-то стоны и плачь, которые неслись будто-бы изъ этого страшнаго бора.

— То наши старики, умершіе въ этомъ лѣсу воютъ,—объясняли сельчане.

Нехорошей славой пользовался мрачный боръ, въ который вѣзжали Игнатъ съ Панфиломъ.

— Я, батя, вотъ что надумаю,—началъ опять Игнатъ, подстегивая свою клячку.—Лѣто ты проживешь въ бору сполагора. Я буду тебя кое-когда навѣщать и буду тебѣ приносить поѣсть. А на зиму сдѣлаю тебѣ въ лѣсу землянку, ты, Богъ дастъ, и проживешь въ ней до весны. Ну, знамо дѣло, на зиму наготовлю тебѣ ѣды, какой смогу.

Игнатъ на мгновение задумался. Онъ понималъ, что трудно будетъ и ему самому и старику-отцу прожить будущую зиму. Но мысли, что онъ спасетъ старика отъ смерти, бодрила его.

Онъ тряхнулъ головою, весело подогналъ свою лошаденку и продолжалъ:

— Эхъ, батя, вотъ жаль, что ѣда-то у насъ очень скудная, совсѣмъ хлѣба мало. Не вѣдаемъ, какъ и пробьемся до новаго. Земля, вѣшь, совсѣмъ перестала родить. Ты, вонъ, знаешь, видѣлъ: соломы да трухи много, а зерна то и нѣтъ... Что хошь, то и дѣлай... Прогнѣвали мы, знать, Отца Небеснаго...—и Игнатъ сокрушенно вздохнулъ.

— Игнатушка, Игнатушка, болѣзненный ты мой!—довольно твердымъ и повеселѣвшимъ голосомъ началъ Панфиль.—Давно мы прогнѣвали Господа Бога, только вотъ мы все не сознаемъ и живемъ по своему, а не по Божьему. Вотъ хотъ бы взять меня. Я ужъ старый, помирать пора мнѣ. А когда я омулся-то?.. Когда я взглянулъ-то на себя и увидѣлъ, что я всю жизнь жилъ не по правдѣ?!

Старикъ Панфиль горько заплакалъ. Черезъ минуту оправился и продолжалъ:

— Вотъ такъ и каждый изъ насъ... Грѣшники мы, великіе грѣшники!.. И какъ только насъ мать сыра земля носитъ?! Ты, сынокъ, прости меня ради Бога. Много я тебѣ дѣлалъ зла, а все отъ своего душевнаго неразумія. И вижу вотъ я теперь, что не ладно я жилъ, хотѣлось бы снова начать жизнь по Божьему.. Ахъ, живемъ-то мы только одинъ разъ!.. П спасибо тебѣ, Игнатушка, что ты даешь мнѣ время раскаяться передъ Отцомъ Небеснымъ. Онъ, Милосердный, видитъ твое мягкое сердце и тебя помилуетъ. Спасибо, спасибо, сынокъ мой милый, что ты не предалъ меня постыдной смерти лютой. Господь и тебя обережетъ отъ нея.

Они вѣхали въ самую глубину темнаго бора. Привязали лошадь къ дереву, а сами, забравъ съ телѣги все необходимое, отправились отыскивать мѣсто для старика Панфила.

Не долго шли...

Прошли густую болотную заросль и быстро вышли на небольшую чистую полянку, которая круто спускалась внизъ подъ откосъ къ тихо журчащему свѣтлому ручейку, извиравшемуся змѣйкой среди кустовъ ивняка.

На этой полянѣ они остановились.

Со всѣхъ сторонъ кругомъ ихъ окружалъ вѣковой лѣсъ, тихо шелестя трепетными, только что распутившимися яркозелеными листьями березъ и задумчиво покачивавшими верхушками смолистыхъ сосенъ и елей.

Живой рукой Игнатъ нарубилъ и наломалъ кольевъ и прутьевъ и изъ нихъ устроилъ шалашь для старика.

— Вотъ, батя, и домъ тебѣ готовъ!—ободри-тельно обратился Игнатъ къ отцу, задумчиво сидѣвшему на травѣ и какъ будто безразлично ко всему относившемуся.

— Эхъ, живи, не тужи!—добавилъ Игнатъ, тряхнувъ головой и засовывая свой топоръ за поясъ.—Ну, батя, а теперь пока прощай. Когда будетъ можно, я къ тебѣ приду, навѣщу тебя и принесу поѣсть.

Обнялись сынъ съ отцомъ. Крѣпко поцѣловались. Всплакнули и разстались.

Солнце уже давно закатилось за лѣсъ и тѣма позднего весенняго вечера густо окутала засыпавшую природу, когда Игнатъ вѣвзжалъ въ свою деревушку.

Мавра не ложилась спать. Она дожидалась мужа и вышла на улицу встрѣтить его.

А на дворѣ у ней былъ приготовленъ большой ушатъ съ водой для Игната, который, по прѣздѣ изъ лѣса, по заведенному обычаю, прежде тѣмъ входитъ въ избу, долженъ былъ вымыться, вымыть окровавленный топоръ, надѣть на себя чистую рубаху и порты, и тогда уже только могъ войти въ хату.

Между тѣмъ Игнатъ молча распрягъ лошадей, убралъ ее, не взглянувъ на жену, вошелъ въ избу, бросилъ топоръ подъ лавку и полѣзъ на печь.

— Ты что же, Игнатъ, не вымылся, а лѣзешь на печь?!—спросила Мавра, недоумѣвая.

— Не буду мыться... И такъ ладно...—нехотя отвѣтилъ Игнатъ съ печки.

Помолчали оба.

— Да, ты изничтожилъ-ли стараго-то?—допрашивала Мавра.—У тебя, вишь, и топоръ-то чистый, ровно ты имъ дерево рубилъ, а не шею.

Мавра вытасила изъ-подъ лавки топоръ и долго его разсматривала.

— Я его тамъ въ лужѣ вымылъ,—буркнулъ съ печки Игнатъ.—А я нешто занемогъ, потому и мыться не хочу.

Мавра молча покачала головой, недовѣрчиво относясь къ словамъ мужа, но ни о чемъ его болѣе не спрашивала.

* * *

Страдная пора въ самомъ разгарѣ.

Едва, едва мужички убрались кое-какъ съ большими сѣнокосомъ, какъ подступило время жать уже поспѣвшую рожь.

— Не важны нонѣ хлѣба,—разсуждали сельчане, уныло посматривая на рѣдкій и тощій колось на полосахъ.

— Ну, а когда они у насъ хороши-то бывали?—замѣчали нѣкоторые.—Каждый годъ одно и то же: колось отъ колоса не слышать бабьяго голося...

Близилось время посѣва новыхъ озимыхъ хлѣбовъ. И это никого не радовало и не бодрило,—

почти увѣрени были всѣ, что посеютъ, конечно, раскидаютъ зерно по полю, а собирать придется опять таки одну солому, да мякнну. Ужъ такая земля. Богъ съ ней, совсѣмъ перестала родить.

Печаленъ былъ и нашъ Игнатъ. Заботилъ его старикъ отецъ, жившій въ лѣсу.

— Какъ-то онъ тамъ, бѣдный... Поди, голодаетъ... Давно я у него не былъ... А надо побывать. Безпремѣнно схожу!—размышлялъ Игнатъ.

Никто на деревнѣ не зналъ, что Игнатъ оставилъ своего отца въ живыхъ, въ лѣсу. Всѣ были увѣрени, что онъ своего старика, или, какъ мужики говорили, стараго пса, рѣшилъ на смерть въ бору. Не знала этого и Мавра, хотя смутно и догадывалась, но говорить объ этомъ своему мужу боялась.

И вотъ Игнатъ, наконецъ, собрался пойти къ старику, а Маврѣ сказалъ, что отправится къ кузнецу въ село, у котораго чинится его сошникъ къ сохѣ.

Было раннее утро и старикъ Панфилъ задумчиво сидѣлъ около своего шалаша и плелъ лапотъ изъ бересты, когда къ нему подошелъ Игнатъ.

Отецъ очень обрадовался приходу своего сына.

— Давненько, давненько, Игнатушка, не жаловалъ ко мнѣ!.. Я ужъ, грѣхомъ, думалъ: ну, забылъ, видно, меня сынокъ-то мой. Придется, молъ, помирать съ голоду... Да вотъ, знать, Господь-то милостивый, услышалъ мою молитву... Знаешь, родной мой, я здѣсь, вѣдь, все Богу молюсь. Грѣхи свои замаливаю... Да и за васъ за всѣхъ молюсь... Всѣ мы очень ужъ грѣшны...

— А я вотъ, батя, тебѣ поѣсть принесъ...—прервалъ Игнатъ, снимая съ своей спины большую котомку и развязывая ее.—Вотъ тебѣ тутъ и хлѣбушка и сухарики... Все для тебя копилъ тихонько отъ другихъ... Самъ не доѣдалъ... А вотъ и картошка свѣжая... Ышь себѣ съ Богомъ, на здоровье...

— Спаси тебя Господи, родной мой сынокъ, что не забылъ меня старика.—И Панфилъ съ сердечной любовью и со слезами на тусклыхъ старческихъ глазахъ посмотрѣлъ на Игната.

То были слезы радости отцовской.

Не вѣдали такой радости всѣ прочіе старики той стороны.

— Игнатушка, я присмотрѣлъ себѣ мѣстечко для землянки,—сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія Панфилъ.—За заступъ, что ты наменилъ примешь мнѣ, спасибо. Начну работать себѣ новое жилище. Мѣсто-то больно пригоже... Подъ горкой, да подъ деревомъ... А дерево-то огромное, огромное... Вонъ оно тутъ недалеко...—и старикъ указалъ рукой въ сторону ручья.

Игнатъ всталъ, посмотрѣлъ указанное мѣсто и тоже остался доволенъ.

— Привыкъ я, сынокъ, здѣсь жить... Живу, какъ въ раю Господнемъ... Ахъ какъ хорошо!—и Панфилъ въ восторгѣ даже зажмурился и покачалъ головой.—Все у меня есть: солнышко, деревья, травка, птички разные... Вонъ, слышишь и ручеекъ тамъ подъ горкой журчитъ себѣ тихо хонько... А вѣтерокъ какъ, вишь, играетъ листочками на деревьяхъ... Благодать-то Божья кругомъ тебя, а я, грѣшный, и не примѣчалъ ничего этого

раньше, когда жилъ дома. Вотъ, Игнатушка, гдѣ я позналъ Бога!.. Въ лѣсу... Да, въ лѣсу!..

И Панфиль задумался...

Молчалъ и Игнатъ.

Кругомъ было тихо. Лишь робкій шелестъ листьевъ на деревьяхъ, да тихое, нѣжное журчанье ручейка подъ горкой нарушало священную тишину лѣсной природы.

— Живу я здѣсь, и все люблюсь на Божье творенье,—началъ опять старикъ, сокрушенно покачивая сѣдой головой и какъ бы не обращая вниманія на сына.—И все-то въ Божьемъ мѣрѣ такъ хорошо!.. А у насъ, у людей, злоба, ненависть другъ на друга... И зачѣмъ?.. Любовались бы лучше Божьимъ созданиемъ, наслаждались бы радостью!.. Такъ вотъ нѣтъ... Враждовать намъ нужно другъ съ другомъ... Эхъ, сынокъ мой родной, оттого Господь и не посылаетъ намъ ничего, такъ мнѣ по старости, да по глупости моей думается. Ну, что у насъ родится?.. Посѣешь хлѣбъ, уродится, почитай, одна солома. Вѣдь этой соломѣ, да трухи разной у насъ на деревнѣ накопилось столько, что всю деревню цѣликомъ можно засыпать доверху.

Старикъ Панфиль замолчалъ и сидѣлъ, какъ будто что-то соображая.

— Вотъ, сынокъ, я заговорилъ тебѣ про солону, да про труху,—снова заговорилъ Панфиль.—Вѣдь у насъ дома этой самой трухи цѣлые вороха лежать. Я все и думаю: возьми-ка ты всю эту труху, что за амбарами, да за овинами лежитъ, вывези теперь на поле, заваши ее хорошенько, да и засѣй хлѣбомъ. Попробуй, что будетъ. Вопросы землѣ-мадушкѣ обратнo, что намъ, людямъ, не нужно, а ей, кормилицѣ, може, въ прокъ пойдеть.

Игнатъ все время внимательно слушалъ отца, но къ послѣднимъ его словамъ отнесся недоверчиво. Однако по привычкѣ быть покорнымъ передъ старикомъ отцомъ и въ надеждѣ получить будущій лучший урожай, согласился исполнить его предложеніе.

Долго бесѣдовали сынъ съ отцомъ, сидя передъ пылавшимъ костромъ, въ золѣ, котораго пекли и ѣли картошку. Не замѣтили, какъ подошло время Игнату уходить домой.

— Такъ не забудь, Игнатушка, вывези въ поле труху, да съ Богомъ заваши ее!..—напомнилъ старикъ сыну, когда тотъ уходилъ отъ него.

Прошло лѣто, грязная и мокрая осень, прошла, наконецъ, и зима съ своими лютыми морозами, да снѣжными вьюгами.

Повѣяло первымъ весеннимъ тепломъ.

Снѣгъ уже сбѣжалъ съ горъ и пригорковъ.

Застывшая земля постепенно отходила.

Подъ благотворнымъ дѣйствіемъ теплыхъ лучей весеняго солнца стала показываться кое-гдѣ свѣжая зелень.

Наконецъ ужъ и деревья понемногу одѣлись яркимъ нѣжно-зеленымъ листовеннымъ уборомъ.

Вышли сельчане въ поле посмотреть, чѣмъ Богъ благословилъ ихъ труды.

Вышелъ и Игнатъ на свою полосу. Смотритъ онъ и не надѣвнется.

Кругомъ у всѣхъ вышла невь-то рѣденькая, да такая тощенькая, что жалко и смотреть на нее.

А у него на полосѣ—щетина щетиной. Яркая зеленая, да высокая, да густая. Простое диво, да и только.

И сосѣди тоже смотрятъ и не могутъ понять—отчего у Игната такая необычайная озимь.

Не догадывались сельчане, въ чемъ дѣло, хотя видѣли, какъ Игнатъ пренелымъ лѣтомъ подъ осень возилъ на свою полосу соломенную труху изъ-за овина, раскидывалъ ее по полосѣ, замахивалъ сохой, а потомъ эту же полосу засѣвалъ зерномъ.

Смѣялись тогда надъ нимъ. Говорили, что напрасно онъ портитъ зерно—пропадетъ оно все-вѣмъ. Игнатъ не слушалъ и продолжалъ дѣлать свое дѣло.

И вотъ теперь видитъ онъ, что не напрасно трудился надъ трухой и мысленно благодарилъ своего отца за добрый совѣтъ.

Не разъ сосѣди спрашивали Игната—отчего у него возшла такая необыкновенная, никогда бывавшая озимь, но Игнатъ уклончиво отговаривался незнаніемъ.

А когда пришло время жать, такъ Игнатъ съ Маврой не знали какъ и быть. Неловко они чувствовали себя передъ своими сельчанами. У тѣхъ на полосахъ стоятъ по десятку бабокъ, а у Игната на полосѣ ихъ видимо невидимо.

Подходила опять холодная осень съ длинными темными вечерами.

Какъ-то разъ собрали сельчане мѣрской сходъ. На сходѣ обыкновенно рѣшались разныя мѣрскія дѣла. Всегда бывало шумно и спорно на этихъ сходахъ.

Такъ было и теперь. Говорили о томъ, о семъ. Спорили, вадорили, шумѣли и не замѣтили сельчане, какъ стали говорить объ урожаѣ.

Всѣхъ занималъ и приводилъ въ недоумѣніе необычайный урожай у Игната.

— Что-жъ, Игнатъ, говори, кайся, кто тебѣ наворожилъ такой урожай!.. Вѣдь никто изъ насъ и не запомнитъ, чтобы у кого когда-нибудь было это!..—говорилъ одинъ изъ мужичковъ, весьма степенный и бородастый.

— У Игнашки, знамо, дѣло нечисто!.. Это по всему такъ видно!..—размахивая руками, наступалъ на Игната другой мужекъ, маленькаго роста съ рябымъ лицомъ.

— Знамо дѣло, онъ, тово, спознался съ нечистой силой!..—рѣшительно вставилъ свое замѣчаніе деревенскій староста.—Я разъ видѣлъ, какъ Игнатъ, тово, ходилъ въ борь... Да!.. А зачѣмъ онъ, тово, ходилъ туда?! Вѣстимо къ нечистому!..—и староста энергично плюнулъ.

Всѣ уставились на Игната.

А у Игната на губахъ подъ густыми усами бродила насмѣшливая улыбка.

Всѣ какъ-будто ждали, что Игнатъ сейчасъ вотъ скажетъ что-нибудь необычайное, страшное.

— Братцы, не дѣло вы толкуете!.. Зачѣмъ я буду спознаваться съ нечистой силой, когда на мнѣ крестъ есть!..—и Игнатъ серьезно вытщилъ изъ-за пазухи свой тѣльный крестъ и показалъ народу.

Онъ помолчалъ, вадекнулъ, тряхнулъ головой и твердымъ голосомъ продолжалъ:

— Я, братцы, передъ всѣмъ міромъ каюсь!.. Слушайте!.. Дѣлайте со мною что хотите, а я передъ міромъ виноватъ... Вы вотъ видѣли и смѣя-

лись надо мной, когда я на своей полосѣ запахи-валъ труху. А вѣдь это я дѣлалъ по наученію своего старика отца, который и посейчасъ живетъ въ бору...

— Какъ, неужто ты его, стараго пса, не уничтожилъ?! — послышался изъ отъиенѣвшей отъ удивленія толпы грубый голосъ.

— Нѣтъ, братцы, не уничтожилъ... Вотъ въ этомъ я и какъ передъ вами... Но вы послушайте дальше. Правду оказалъ и староста, что я ходилъ въ боръ. Тихонько ходилъ, украдкой. И моя Мавра даже не знала этого... Такъ вотъ мнѣ мой отецъ все и говорилъ, что не будетъ у насъ урожая до тѣхъ поръ, пока мы не вспомнимъ Бога... Вѣдь забыли мы его, братцы. Не по правдѣ Божьей мы все живемъ. Такъ и отецъ мой говоритъ. Онъ, живучи въ лѣсу, молился за всѣхъ насъ. И онъ-то научилъ меня и заставилъ запахать въ полосу труху. Сначала я тоже, какъ и вы, посмѣялся надъ нимъ: думалъ—старый изъ ума выжилъ, но потомъ все-таки сдѣлалъ по его указкѣ, и вотъ вы все видѣли, что изъ этого у меня вышло.

Игнать закончилъ и поклонился міру.

Долго послѣ этого міръ шумѣлъ и волновался. Была уже совѣтъ ночь, когда все разошлись со схода по домамъ.

А на сходѣ порѣшили: отправиться всей деревней во главѣ съ Игнатомъ въ боръ къ старику

Панфилу, взять его оттуда и на рукахъ торжественно принести въ деревню, водворить его на ту же печь, на которой онъ и прежде лежалъ, окружить его особымъ почетомъ и навсегда отмѣнить дикій обычай—предавать стариковъ и больныхъ лютой смерти.

Съ тѣхъ поръ въ той далекой сторонѣ водворился добрый миръ. Наступило благополучіе. Во всемъ сталъ преизбытокъ, ибо земля стала давать людямъ хорошей плодъ.

И люди стали людьми, а не звѣрами другъ другу, ибо вспомнили Господа Бога. Стали въ храмъ ходить и слушать слово Божіе евангельское.

Прикрыли кабаки и трактиры,—ни къ чему они теперь. Вмѣсто споровъ, брани и дракъ можно слышать тамъ дѣльные разговоры и бесѣды о Богѣ, о хозяйствѣ. Въ праздничные дни по вечерамъ молодежь заводитъ пѣсни и игры въ хоровадь.

Старики стали пользоваться отмѣннымъ почетомъ и уваженіемъ ото всѣхъ.

Чуть не за версту какой-нибудь встрѣчный низко, низко кланяется старичку, ломаетъ передъ старьемъ свою шапку:—Здравствуй, молъ, дѣдушка!..

Миръ такъ приказалъ чтить стариковъ и свято соблюдаютъ этотъ мірской наказъ.

К. Мошинъ.

КОМПАСЪ.

„Я есмь путь и истина и жизнь“.

(Іоан. 14. 6).

Въ необозримыхъ степяхъ Америки часто попадается цвѣтокъ, прозванный учеными „компасомъ“ за то, что листья его, подобно агниной стрѣлкѣ, всегда обращены къ сѣверу. На направленіе ихъ ничто не вліяетъ: ни дождь, ни засуха, ни буря, ни безвѣтріе, ни часъ дня или ночи, ни путешественникъ смѣло можетъ направить по нимъ свой путь,—онъ не заблудится.—

Вѣрующимъ это растеніе говоритъ какъ бы безъ словъ: „Стойте въ вѣрѣ, отбросьте всякую мысль объ угожденіи людямъ и собственнымъ страстямъ, имѣйте въ виду одного лишь Господа,

на Него одного взирайте и отъ Него одного ждите свѣта и жизни.—„Я есмь путь и истина и жизнь.“ По трудному, стремительному и опасному пути жизни мы не можемъ идти безъ проводника... Нашъ разумъ, какъ глазъ, задернуть мракомъ, а наше сердце влечетъ насъ постоянно къ опаснымъ мѣстамъ, гдѣ мы можемъ заблудиться или погибнуть. Много ложныхъ проводниковъ совращаютъ насъ съ прямой дороги. Одинъ Господь Иисусъ Христосъ, свѣтъ міра, можетъ, озаряя намъ путь Своимъ Словомъ и Духомъ, провести по нему.

Прот. М. Менстровъ.

МОЛИТВА.

(Мѣ. 6, 5)

Когда молишься, не будь какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться предъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою тѣмъ, что люди похвалили ихъ. Ты же, когда молишься, войди въ комнату свою (войди въ себя, собери все свое вниманіе) и, затворивъ дверь свою (позабывъ все земное, суетное), помолись Отцу твоему, Который въ тайнѣ (невидимо предстоитъ тебѣ); и Отецъ твой, видящій тайное, тайную твою молитву, воздастъ тебѣ лавно (видимо для всѣхъ на всемірномъ судѣ).

Такъ учить насъ Божественный Спаситель сердечной и искренной молитвѣ.—

Въ телефонной будкѣ стоялъ челоуѣкъ около аппарата, но ничего не могъ разобрать, что ему говорили. „Я ничего не понимаю“, кричалъ онъ. „Закройте дверь за собою, тогда и услышите.“—сказали ему. Окружающій шумъ мѣшалъ ему слышать то, что говорили по телефону.

Многіе люди похожи на этого челоуѣка. Они молятся и не получаютъ отвѣта отъ Бога; это потому, что міръ со своимъ шумомъ оглушаетъ людей настолько, что они не въ состояніи прислушаться къ голосу Божію.

Когда вы молитесь, старайтесь быть наединѣ съ Господомъ. Не забывайте совѣта Христа: когда молишься, закрой за собою дверь.

Прот. М. Менстровъ.

На день Срѣтенія Господня.

Бѣ человекъ въ Иерусалимѣ, ему же имя Симеонъ, и человекъ сей праведенъ и благочестивъ, чая Утѣхи Израилевыхъ (Лук. 2, 25.)

Одинъ изъ участниковъ Срѣтенія Господня въ Иерусалимскомъ храмѣ, праведный Симеонъ былъ глубокой старецъ, вступившій въ четвертую сотню лѣтъ. Ему было обѣщано Духомъ Святымъ, что не увидитъ смерти, если не увидитъ Христа Господня (26 ст.). Въ 40-й день по рожденіи Христа, когда Богомладенецъ былъ принесенъ въ храмъ, *сговорити по обычаю написанному о Немъ (ст. 27)*, Симеонъ, по внушенію Духа Божія, пришелъ въ храмъ. По откровенію того же Духа Св. въ принесенномъ младенцѣ, онъ позналъ Христа. Спасителя міра. Старость, особенно глубокая, для человека—тяжелое время. Познавъ Христа, Симеонъ исполнился великой радости и о томъ, что сподобился видѣть Христа, и о томъ, что съ него снимается бремя жизни. Благословивъ Бога, онъ сказалъ: *нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко по глаголу, твоему съ миромъ (ст. 28)*. Нынѣ, когда я увидѣлъ Тебя—Владыку живота и смерти, Ты не будешь болѣе держать меня въ этомъ, исполненномъ бѣдъ, мірѣ. Ты меня отпускаешь отсюда, дозволяешь мнѣ умереть. Для чего мнѣ болѣе жить? Тебя—Спасителя, ради Котораго я жилъ, Господь сподобилъ меня видѣть. И Симеонъ тихо отошелъ *къ нестарѣлому животу*.

Смерть горька и крѣпка (Сирах. 41,1; пѣсн. 8,6). Св. Симеонъ разстается съ этимъ міромъ такъ необычно, не со скорбію и страхомъ, но съ радостію и спокойно. Дивная кончина его, очевидно была слѣдствіемъ его дивной жизни. Да, Симеонъ—человѣкъ праведенъ и благочестивъ, потому что онъ жилъ ожиданіемъ Утѣхи Израилевы—Христа. Въ этомъ и разгадка праведной жизни его, и тихой, мирной кончины. Время жизни праведн. Симеона было тревожное и тяжелое. Переходъ Иудей изъ подъ власти одного народа подъ власть другого, смѣна тирановъ правителей, гоненія на вѣру въ истиннаго Бога и Его и проповѣдниковъ, частыя войны, развращеніе народныхъ нравовъ удручающе дѣйствовали на душу такихъ цѣльныхъ людей, какъ Симеонъ. Глубокая скорбь сокрушала ихъ сердца. Если-бы не жило въ нихъ вѣры въ обѣтованнаго Христа, то жизнь ихъ представляла бы непрерывную цѣпь бѣдствій. Симеонъ и подобные ему освобожденіе отъ всѣхъ золъ видѣли во Христѣ. Приванки Его близкаго пришествія, согласно предсказанія пророковъ, были очевидны. И они ободряли себя надеждою: придетъ Мессія, настанетъ конецъ злословіямъ. Чаяніемъ близкаго *Дня Господня пріятнаго (Лук. 4,19)* они подерживали себя, укрѣпляли, ободряли.

Бр. Хр! Иисусъ Христосъ и для насъ есть Утѣха. съ Нимъ у насъ, какъ ледъ подъ дѣйствіемъ весеннихъ солнечныхъ лучей, таютъ всѣ житейскія невагоды. И благо тому, кто во Христѣ имѣетъ надежду спасенія и обрѣтаетъ радость.

Горѣе смерти ничего не можетъ быть. Мы видѣли на примѣрѣ Св. Симеона, какъ этого врага встрѣчаютъ люди, сердца которыхъ лютуютъ вѣрою и надеждою во Христа. Тѣ, которые всѣ сокровища скрываютъ на землѣ, которые *сласть мнятъ все дневное насыщеніе (Матѣ. 19; 1 Петр. 2,13)*, которые жизнь обращаютъ въ нихъ, какъ мятежно они умираютъ! Когда приближается к. нимъ смерть, они приходятъ въ омушненіе, безотрадный страхъ, испытываютъ мученія совѣсти. Представимъ себѣ, что кто либо находится на пиру и въ самый разгаръ веселья онъ вынужденъ бываетъ оставить пиръ. Онъ хотя и уходитъ съ пира, но съ проклятіями и ругательствами—не дали насладиться тѣмъ, что ему дорого. Когда съ пира жизни потребуютъ ухода, когда наступитъ тяжкая болѣзнь, когда виденъ конецъ жизни, когда молчаливая совѣсть вступитъ въ свои права; въ какой неопредѣлимый страхъ приходитъ грѣшникъ! Какая злоба наполняетъ его сердце! Вотъ примѣръ. Больница. Въ числѣ больныхъ находится крестьянинъ и образованный невѣръ. Крестьянинъ—темный человекъ, но сердце его освѣщено вѣрою и надеждою на милость Божію. Въ ожиданіи кончины приняты Св. таинства исповѣди, Св. причащенія и елеосвященія. Слава тебѣ Господи! говорилъ онъ; ты сподобилъ меня помереть по христіански. Лицо его свѣтилось спокойствіемъ, покорностію волѣ Божіей. Образованный невѣръ находился въ послѣднемъ періодѣ чахотки. Онъ былъ весь мракъ, злоба, отчаяніе. Когда предлагали ему христіанское утѣшеніе, онъ съ гнѣвомъ отвергалъ его. Но примѣръ крестьянина, спокойно ожидающаго кончины, подаль ему мысль испытать дѣйствіе христіанскихъ священнодѣйствій. Подготовленной къ тому чтеніемъ свящ. писанія, онъ принялъ христіанскія таинства. И, о счастье! Онъ совсѣмъ измѣнился: отъ прежней злобы и отчаянія не осталось и слѣда. Онъ испытывалъ спокойствіе, сердце его было охвачено радостію. Кончину свою ожидалъ благодушно, съ полною преданностію волѣ Божіей.

Если предъ вѣрующимъ человекомъ даже смерть отступаетъ, сдается, не будучи въ силахъ огорчать его, то какое другое злословіе повернетъ его въ безнадежность, отчаяніе? Потеря всего имѣнія и лишеніе дѣтей одновременно не можетъ сокрушить стоящаго на камени вѣры. Это мы видимъ на примѣрѣ праведнаго Іова. Гоненія, тюрьма, изгнаніе изъ отечества, смертная казнь, все это и подобное не можетъ лишитъ мужества того, кто въ сердцѣ носитъ сокровище вѣры. Св. мученики, исповѣдники, святители съ спокойствіемъ духа терпѣли гоненія, шли въ тюрьмы, отправлялись въ ссылку, направлялись къ мѣсту позорной казни.

Праведн. Симеонъ, говорили мы, пережилъ тревожныя времена, въ которые онъ однако не подвергся бѣдамъ. Мы—сыны руси и члены православной Церкви переживаемъ годину наивысшихъ испытаній. И вѣра Христіанская вынѣ въ посмѣяніи и гоненіи, и жизнь наша полна безотрадныхъ неизвѣстностей. Голодь случится къ намъ въ двери. И не отниметъ ли онъ жизни у

насть самихъ или у нашихъ родныхъ? Междоусобія съ неизбежнымъ пролитіемъ крови не лишатъ ли насъ *христіанской кончины живота нашею безболѣзненнымъ, непостыднымъ мирнымъ?*

Бр. Хр! Когда апостолы вмѣстѣ съ другими вѣрующими, во время переправы черезъ Галилейское озеро, были въ бѣдѣ и потопленіе носилось надъ ними, вдругъ явился Христосъ, идя по водѣ, и сказалъ: *Азъ есмь! дерзайте, не бойтесь. И мгновенно лодка съ пловцами была близъ берега* (Іоан. 6, 19-21).

Въ бурю религіознаго и политическаго волненія на морѣ современной жизни, *дерзайте о Христѣ, людие Божіи ибо Той побѣдитъ времи, яко всесиленъ* (догмат. 1 гл.). Наши утѣшеніе и спасеніе только во Христѣ. Онъ и просвѣтитъ наши ума и сердца, и научитъ и поможетъ намъ содѣлать все къ нашему временному и вѣчному благу.

Свящ. А. Петропавловскій.

Родинѣ.

Русь, ты, моя дорогая!
Ты истрадалась въ борьбѣ.
Выпала долюшка злая
Бѣдной, убогой тебѣ.
Злобно тебя распинають,
Какъ на Голгоѣ Христа;
Дѣлятъ на части, терзаютъ,—
Ты и кротка, и чиста.
Кто же спасетъ тебя въ горѣ,
Милый мой край, дорогой!
Ты ваволиновался, какъ море,
Весь; себя губишь, родной.
Льетъся вокругъ орошая
Землю, изъ ранъ твоихъ кровь.
Гдѣ-жъ справедливость святая?
Гдѣ, мнѣ скажите, любовь?
Грозная туча нависла.
Ночь,—непроглядная тьма.

Ты въ путь свободная вышла.
Долго безъ цѣли брела.
Ждешь ты, какой-же дороги,
Родина, дай мнѣ отвѣтъ.
Бѣдное сердце въ тревогѣ,
Ждетъ съ нетерпѣньемъ разсвѣта,
Ночь все царитъ надъ тобою.
О, ты поругана, мать?
Мнитъ мнѣ: снова рабою
Станешь по тюрьмамъ сгнивать.
Гибнуть въ далекой Сибири,
Жити въ рудникахъ на цѣли.
Дни поползутъ, какъ недѣли,
Скучны, безрадостны дни
Боже Всесильный Всеправый,
Русь дорогую спаси.
Отврати-жъ мечъ ты крававый,
Въ родинѣ миръ водвори.

М. Егоровъ.

О томъ, какъ дьяволъ изобрѣлъ карты.

Сатана не могъ успокоиться. Одинъ пустынный не давалъ покоя князю тьмы. Напрасно онъ пытался искушать его; все попытки не имѣли успѣха.

Когда пустынный почти умиралъ отъ голода, Сатана показывалъ ему богатые яства, свѣжіе плоды,—свѣтлой молился, и искушеніе не трогало его души. Когда пустынный взнемогалъ отъ жажды, сатана заставлялъ землю источать ключи чистѣйшей воды, показывалъ сосуды пѣнашагоса фалернскаго,—пустынный осѣнялъ себя крестнымъ знаменемъ, и планы Сатаны рушились.

Однажды пустынный увидѣлъ трехъ бѣдняковъ, которые сидѣли на травѣ и бесѣдовали на какомъ-то странномъ языкѣ. Подойдя ближе, пустынный увидѣлъ, что они перекидываются какими-то разрисованными карточками. Пустынный никогда не видѣлъ картъ; онѣ были еще неизвѣстны міру, и забава заинтересовала его.

Пустынный старался внимательно читать молитвы, но иногда его глаза невольно оборачивались къ играющимъ. „Я думаю, нѣтъ грѣха по-смотреть, что дѣлаютъ они съ этими клочками

бумаги“, рѣшилъ онъ и сталъ смотрѣть за игрой. И чѣмъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ больше хотѣлось ему попробовать принять участіе въ забавѣ.

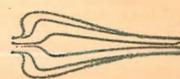
Стало темнѣть. „Пойдемъ спать“, сказалъ одинъ изъ игроковъ. „Поиграемъ еще“, сказалъ другой, но товарищъ отказывался. Тогда третій обратился къ пустынному—„почему бы вамъ не занять мѣсто этого сони“?

Пустынный сѣлъ и сразу почувствовалъ, какъ лихорадочный жаръ прошелъ по его жиламъ. Одинъ изъ компаньоновъ поднялъ съ земли съ полсотни круглыхъ камешковъ и раздѣлилъ ихъ на части. „Это наши червонцы“, сказалъ онъ. Игра началась. И каменные червонцы все увеличивались у старика.

Три часа продолжалась игра. Какъ-то незаметно камешки были замѣнены настоящимъ золотомъ. Наступила ночь. Все легли спать въ хижинѣ пустынного; но плохо спалъ хозяинъ ея, онъ видѣлъ дурные сны. Едва наступилъ разсвѣтъ, какъ онъ уже былъ на ногахъ, чтобы снова приняться за игру, но его вчерашніе компаньоны исчезли.

ЛѢТОСЧИСЛЕНІЕ.

(Замѣтка къ Новому году.)

Лѣтосчисленіе, или времячисленіе, велось и ведется у всѣхъ народовъ.

Исходнымъ пунктомъ всякаго лѣтосчисленія служить какое-либо достопамятное событіе въ жизни народа, или *эра*. Такъ, напр., евреи ведутъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра; древніе римляне вели отъ основанія Рима; магометане-отъ бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину; христіанскіе народы-отъ Рождества Христова. Эры не только разнообразны, но съ точностью и неопредѣленны. Напр., у евреевъ считается отъ сотворенія міра до Р. Хр. 3761 годъ; у александрійцевъ-5492 г.; у византійцевъ-5508; у нашихъ старообрядцевъ 5500.

Эра отъ Рождества Христова ввелъ канонистъ древней западной церкви Діонисій Малый (VI в.). Онъ отнесъ годъ рожденія Іисуса Христа такъ 754-му году отъ основанія Рима, что, по мнѣнію другихъ изслѣдователей, нельзя признать безусловно вѣрнымъ. Въ официальныхъ актахъ эра отъ Р. Хр. начинается встрѣчаться съ 742.; не входитъ во всеобщее употребленіе только съ XV вѣка.

Не меньшимъ разнообразіемъ отличалось и *начало года*. Въ древнемъ Римѣ годъ начинался съ мѣсяца марта; но тамъ—же образовался обычай начинать его съ 1-го января. Съ 153 г. до Р. Хр. къ этому дню приурочено было вступленіе консуловъ въ должность; а избирались они на одинъ годъ. Въ календарѣ, реформированномъ Юліемъ Цезаремъ (102--45 г. до Р. Хр.), годъ начинается съ 1-го января. Въ западной Европѣ начинать годъ съ 1-го января стали только съ XVI вѣка въ Установилъ это папа Григорій XIII (1572-1585 г.).

У большинства народовъ годъ начинался съ 1-го марта. Вѣроятно потому, что съ этого мѣсяца начинается обновленіе природы,—наступаетъ весна. Христіане могли удовлетворить этимъ свое желаніе считать первымъ мѣсяцемъ тотъ, на который приходится первое весеннее полнолуніе. Много вліяло на то и библейское мировоззрѣніе, по которому мѣсяць мартъ считается первымъ между мѣсяцами года (Ис. х. XII, 2). Все-таки эта дата вытѣсняется другой датой,—именно, 1-мъ сентябрю. Но въ Пасхалии, при вычисленіи пасхальнаго круга, годъ читается съ 1-го марта.

1-ое сентября совпадало въ римской имперіи съ началомъ финансоваго года, въ связи съ индиктами. *) Константинъ Великій ввелъ съ 312-го года численіе времени по индиктамъ въ Византію, гдѣ оно и стало обычнымъ. Особенно-же оно было употребительно въ средне-вѣковыхъ хроникахъ.

Въ средніе вѣка и даже позднѣе въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы началомъ года считали 25-е марта или 25-е декабря,—какъ

*) *Индиктъ*—періодъ времени, обнимающій 15 лѣтъ, въ теченіе котораго римляне три раза собирали дань съ побѣжденныхъ народовъ.—См. любопытное замѣчаніе объ индиктѣ въ *Сльдванской Псалтири*, въ отдѣлѣ Мѣсяцесловъ, подъ 1-мъ сентября.

начало воплощенія Сына Божія. А во Франціи нѣкоторое время былъ обычай начинать новый годъ съ Пасхи.

Чтобы уничтожить такое разнообразіе, имѣвшее большія практическія неудобства въ церковномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, папа Григорій XIII предписалъ католическому міру начинать съ 1583 г. новый годъ 1-го января.

Отъ различія исходныхъ точекъ зрѣнія на лѣтосчисленіе получалось различное систематическое расположеніе времячисленія въ календаряхъ. Календарныя системы у разныхъ народовъ основывались на астрономическихъ явленіяхъ, преимущественно на смѣнахъ фазъ луны. Системы эти постепенно разрабатывались, съ цѣлью довести практическое пользованіе ими до большаго согласованія съ астрономическими явленіями. Болѣе совершенной и практически удобной вышла система, изобрѣтенная Юліемъ Цезаремъ и разработанная александрійскими астрономами. По имени изобрѣтателя времячисленія и Календарь, основанный на этомъ времячисленіи, стали называть *юлианскимъ*.

Первый вселенскій соборъ, устанавливая время празднованія Пасхи, принялъ за основаніе христіанскаго времячисленія юлианскій календарь. Но такъ какъ годъ по этому календарю нѣсколько не совпадалъ съ годомъ астрономическимъ, то, при дальнѣйшемъ теченіи годовъ, время празднованія Пасхи, а въ зависимости отъ нея и время совершенія другихъ праздниковъ, могло не совпасть съ постановленіемъ собора. Поэтому были предпринимаемы попытки къ исправленію юлианскаго календаря. Католическое же духовенство особенно заботилось о реформированіи календаря. И въ 1582 г. папѣ Григорію XIII удалось провести реформу юлианскаго календаря. Получился календарь *григоріанскій*. Онъ опережаетъ теперь юлианскій календарь на 13 дней. Первоначально онъ былъ введенъ въ католическихъ странахъ и только почти черезъ два столѣтія былъ принятъ во всей Западной Европѣ и Америкѣ. Въ Россіи же и въ другихъ странахъ, принадлежащихъ къ восточной церкви, держатся юлианскаго календаря. Времячисленіе по нему называется теперь *старымъ стилемъ*, а по григоріанскому календарю—*новымъ стилемъ*.¹⁾

¹⁾ Календарный годъ и по старому и по новому стилю отстаетъ отъ астрономическаго года, т-е. годового обращенія земли вокругъ солнца. Для устраненія этой разницы, въ календаряхъ введенъ высокосный годъ. И все-таки въ теченіе 128-ти лѣтъ получается лишніи сутки въ астрономическомъ году противъ юлианскаго календаря. Въ XVI в. разница между этимъ календаремъ и астрономическимъ годомъ дошла до 10-ти сутокъ. Почему папа Григорій XIII, вводя въ 1582-мъ г. свой календарь, предписалъ считать послѣ 4-го октября прямо 15-е октября. Такимъ образомъ григоріанскій календарь опережалъ юлианскій календарь на 11 дней. При вычитываніи высокосныхъ годовъ, въ григоріанскомъ календарѣ пропускаются въ каждыя 400 лѣтъ

Русское счисленіе времени заимствовано изъ Византии; а какое существовало у русскихъ славянъ до принятія христіанства, трудно рѣшить за отсутствіемъ данныхъ.

До XV вѣка на Руси были два счисленія: церковный годъ начинался съ 1-го марта,—гражданскій съ 1-го сентября. Начало счисленія въ обонхъ случаяхъ велось отъ сотворенія міра.

Въ XV в. мартовскій годъ выходитъ изъ употребленія. Еще при митрополитѣ Теофиотѣ (1326—1353) положено было начинать какъ церковный, такъ и гражданскій годъ съ 1-го сентября; но привилось это постановленіе только въ XV в., и было подтверждено на соборѣ 1492 г.

Петръ Великій указомъ отъ 19-го декабря 1708 г. повелѣлъ 1-е января 1708 г. считать первымъ днемъ новаго 1700 г. Такимъ образомъ этимъ указомъ введено начало гражданскаго года съ 1-го января и лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова.

Начало-же церковнаго года осталось за 1-мъ сентября. Въ церковно-богослужебныхъ книгахъ и мѣсяцесловахъ подъ 1-мъ сентября находится замѣчаніе: „начало индикта, сирѣчь новаго лѣта“.

И такъ, теперь у насъ годъ начинается—въ Пасхалии съ 1-го марта; церковный—съ 1-го сентября; гражданскій—съ полуночи на 1-е января.

П. Г. Воскресенскій.

Календарныя замѣтки.

1. ЯНВАРЬ.

Названія мѣсяцевъ у насъ латинскія, взятія изъ юліанскаго календаря.

По свидѣтельству изелѣдователей, въ древности у римлянъ годъ состоялъ изъ 10-ти мѣсяцевъ и начинался съ марта. По преданію, два мѣсяца: январь и февраль—прибавилъ римскій царь Нума Помпилій.

Свое названіе мѣсяць январь получилъ отъ имени римскаго бога Януса. Это—былъ богъ входа и выхода, почему онъ и изображался съ двумя лицами, обращенными въ противоположныя стороны; позднѣе стали объяснять, что одно лицо обращено къ прошедшему, другое—къ будущему. Янусъ считался покровителемъ всякаго начала въ каждомъ дѣлѣ и явленіи. Поэтому ему посвящалось начало дня, мѣсяца, войны и т. п. *) Естественнo было посвятить ему начало года, и первый мѣсяць въ году назвать именемъ этого бога. Но кѣмъ и когда это было сдѣлано, съ точностью неизвѣстно. Одни приписываютъ это Нумѣ Помпилію, другіе утверждаютъ, что этотъ царь

только далъ названія мѣсяцамъ—январь и февраль—и вставилъ ихъ между десятымъ мѣсяцемъ и первымъ, каковымъ былъ мартъ. Стало быть, январь занялъ 11-е мѣсто среди мѣсяцевъ года. Когда-же онъ занялъ первое, остается неизвѣстнымъ; во всякомъ случаѣ задолго до появленія юліанскаго календаря. Извѣстно, что съ 153 г. до Р. Хр. онъ практически считается первымъ мѣсяцемъ года; а юліанскій календарь, такъ сказать, узакониваетъ это, утверждаетъ и юридически.

На Руси, когда годъ начинался съ марта, январь былъ одиннадцатымъ мѣсяцемъ. Потомъ начало года стали считать съ сентября, тогда январь былъ шестымъ, какимъ онъ остается и въ настоящее время въ церковныхъ мѣсяцесловахъ. И только съ 1700 г., по указу Петра Великаго, стали считать начало года съ 1-го января.

Народъ о мѣсяцѣ январѣ выражается: „январь—году начало, зимѣ—середка“.

П. Г. В-ил.

О ШКОЛЬНЫХЪ КРУЖКАХЪ ТРЕЗВОСТИ.

Изъ жизни Елабужскаго братства.

Открытое два года тому назадъ, Елабужское Уѣздное Братство Трезвости съ самаго начала своего существованія обратило серьезное вниманіе на школу, какъ на одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ и надежныхъ проводниковъ трезвости въ населеніе и стало широко пропагандировать идею три высокосныхъ года. Такъ об. въ каждыя 400 лѣтъ григоріанскій календарь обгонитъ юліанскій еще на три дня. Вотъ почему теперь разница между старымъ и новымъ стилемъ уже не въ 11 дней, а въ 13. Высчитано, что по григоріанскому календарю разница въ одинъ день между нимъ и годомъ астрономическимъ накопится только въ 4240 лѣтъ.

*) По преданію, Нума Помпилій построилъ въ честь бога Януса храмъ, который оставался открытымъ во время войны и закрытымъ во время мира.

устройства дѣтскихъ трезвенныхъ союзовъ при школахъ, по примѣру Западной Европы и Америки.

Откликнувшіеся на призывъ Братства труженики на нивѣ народной въ 1915-16 уч. году открывали въ своихъ школахъ въ городѣ и уездѣ свыше 80 „Школьныхъ Кружковъ Трезвости“.

Вскорѣ по открытіи „Кружковъ Трезвости“ начались толки относительно ихъ: одни хотѣли видѣть въ нихъ праздную затѣю, другіе считали ихъ даже вредными и только сравнительно немногіе приняли ихъ, какъ важное средство къ воспитанію дѣйствительной, сознательной трезвости и радовались ихъ открытію.

Громче всѣхъ возражали противъ „Кружковъ Трезвости“ тѣ, которые считали ихъ вредными—на томъ основаніи, что вступленіе въ кружокъ обусловливается провозношеніемъ обѣтовъ со стороны дѣтей, заключаемымъ цѣлованіемъ креста.

Это обѣщаніе соблюдать обѣты трезвости приравнивали къ клятвѣ и говорили, что устроители „Школьных Кружковъ Трезвости“ приучаютъ дѣтей легкомысленно относиться къ клятвѣ, потому что многіе изъ нихъ потомъ ее нарушаютъ, не сознавая грѣховности этого нарушенія. Указывая и на то, что дѣти произносятъ клятву безсознательно, что нельзя требовать отъ дѣтей, по ихъ малолѣтству, произнесенія какихъ либо обѣщаній, тѣмъ болѣе при такой торжественной, чисто церковной обстановкѣ, какъ это требуется уставомъ „Школьных Кружковъ Трезвости“.

Мало того, среди простого народа цущень былъ даже какимъ то, вѣроятно, усерднымъ поклонникомъ „зеленаго змія“ недѣльный слухъ, что запись дѣтей въ число членовъ „Кружка Трезвости“ равносильна печати антихриста, и этотъ слухъ, по свидѣтельству многихъ школьных дѣятелей, прошелъ по цѣлому ряду волостей и произвелъ немалую смуту среди темныхъ родителей учащихся, такъ что многіе изъ родителей стали запрещать своимъ дѣтямъ вступать въ „Кружки Трезвости“, а другіе потребовали отъ записавшихся уже дѣтей, что-бы они вышли изъ „Кружковъ Трезвости“.

Были и такія возраженія, которыя въ основѣ своей имѣли *мнимую* пользу отъ употребленія вина въ умѣренномъ количествѣ, и даже находились такіе усердные родители „блѣзненной страсти“, что воспитаніе дѣтей въ абсолютной трезвости считали не согласнымъ съ церковнымъ уставомъ, который разрешаетъ употреблять вино въ извѣстные дни.

Однимъ словомъ „Школьные Кружки трезвости“ сдѣлались предметомъ пререканій и споровъ, которые и показали, что устроители ихъ—не праздная и пустая затѣя, а *серьезное дѣло*, которое затрагиваетъ важныя интересы народной жизни. Все это и дало поводъ инициаторамъ дѣла устройства „Кружковъ трезвости“ серьезно обсудить вопросъ объ этихъ кружкахъ. Результатомъ этихъ обсужденій было, во-первыхъ, внесеніе поправки въ уставъ „Школьных Кружковъ трезвости“ въ томъ смыслѣ, что являвшееся для многихъ камнемъ преткновенія, торжественное произнесеніе трезвенныхъ обѣтовъ, въ церковной обстановкѣ, съ цѣлованіемъ креста, было исключено. Совѣтъ Братства въ настоящемъ случаѣ сдѣлалъ уступку немощной совѣсти тѣхъ, которые обѣты дѣтей приравнивали къ клятвѣ, и исключили соблазнительный ихъ § устава. Совѣтъ признаетъ необходимымъ и въ высшей степени полезнымъ, что-бы дѣти дали трезвенныя обѣщанія, а при какой обстановкѣ,—это не имѣетъ существеннаго значенія. Пусть они вступаютъ въ ограду „Кружка“ нѣсколько иной дорогой, чѣмъ какая предлагалась имъ первоначально, но *пусть они вступаютъ и воспитаются въ трезвенныхъ идеяхъ*. Во-вторыхъ, результатомъ этихъ обсужденій было составленіе „опроснаго листа“ юнымъ трезвенниками, цѣлью котораго было рядомъ вопросовъ получить такія свѣдѣнія о „Кружкахъ“, которыя бы давали *фактическія основанія* для сужденія о дѣйственности и пользѣ ихъ.

Эти листки на Октябрьскомъ собраніи Совѣта Братства 1916 г. поставлено было разослать по школамъ и просить при этомъ высказаться о „Школьных Кружкахъ трезвости“ самихъ руководителей „Кружковъ“—учителей, учительницъ и священниковъ. Постановленіе было приведено въ

исполненіе, и по всемъ школамъ, гдѣ открыты „Кружки трезвости“, въ ноябрѣ 1916 г. разосланы были „опросные листки“. По заполненіи ихъ отвѣтами, конечно, при руководствѣ и разъясненіи со стороны учащихся, листки эти возвращены Совѣту Братства вмѣстѣ съ отвѣтами самихъ учащихся, и, такимъ образомъ, Совѣтъ получилъ возможность судить о „Школьных Кружкахъ Трезвости“, не теоретически только, а на основаніи *живыхъ фактовъ*.

Восемьсотъ шестьдесятъ юныхъ трезвенниковъ возвратили листки.

На минувшихъ лѣтнихъ каникулахъ Совѣтъ Братства поручилъ разработать данныя анкеты—ея инициатору, члену-казначее Бр. Прог. П. А. ДЕРНОВУ. Въ результатѣ получился въ высшей степени интересный и полезный трудъ по вопросу о борьбѣ за трезвость чрезъ школу. На общемъ годичномъ собраніи Братства 20-го августа с. г. этотъ трудъ былъ заслушанъ и съ благодарностью принятъ и одобренъ. Собраніе постановило издать его отдѣльной брошюрой и возможно шире распространить.

Данныя анкеты—, какъ отвѣты юныхъ трезвенниковъ, совершенно свободнее, условными значками, такъ и отзывы руководителей „Школьных Кружковъ трезвости“,—*категорически утверждаютъ, что „Кружки“ желательны, полезны и необходимы для воспитанія сознательной трезвости* въ нашемъ подростящемъ поколѣніи, трезвости—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Эти дѣтскіе трезвенные союзы являютъ, какъ показываютъ отвѣты, для ихъ членовъ, какъ бы *новой школой*, въ которой дѣти учатся бороться съ дурными привычками, сами постепенно отстаютъ отъ нихъ и другіхъ своихъ товарищей побуждаютъ къ борьбѣ съ ихъ дурными привычками. И сами они такъ именно смотрятъ на свое участіе въ „Кружкахъ Трезвости“. Сознавая пользу участія въ „Кружкахъ“, громадное большинство юныхъ трезвенниковъ не намѣрены выходить изъ числа членовъ этихъ „Кружковъ“, а именно 682 или 79,30% выражаютъ намѣреніе оставаться членами „Кружка“ и на слѣдующій годъ, почти такое же количество—696 членовъ или 80,69% даютъ *положительный отвѣтъ* и на послѣдній 10-й вопросъ „опроснаго листа“: „Считаю ли я полезнымъ существовавшую въ нашей школѣ кружокъ трезвости“.

Резюмируя отзывы руководителей о „Кружкахъ Трезвости“, мы должны сказать, что все они заключаютъ въ себѣ *подтвержденіе ихъ пользы* и для школы, и для взрослого населенія, только въ однихъ мѣстностяхъ эта польза отразилась весьма ощутительно и очевидно, въ другихъ слабо, въ зависимости главнымъ образомъ отъ трудовъ руководителей. *Ни одинъ изъ нихъ въ своемъ отвѣтѣ не сказалъ, что-бы „кружокъ трезвости“, по его мнѣнію, былъ бесполезнымъ или даже вреднымъ*.

Такимъ образомъ, данныя сдѣланной Братствомъ анкеты показали, что воспитаніе дѣтей со школьной скамьи въ идеяхъ трезвости есть *вѣрный залогъ* ихъ трезвой трудовой жизни въ зрѣломъ возрастѣ. Слѣдовательно, „Школьные Кружки трезвости“ осуществляютъ собою *великую миссію оздоровленія народа*, зараженнаго ядомъ алкоголизма и переживающаго все печальныя послѣдствія этого зараженія, въ видѣ бѣдности, преступности, всевозможныхъ болѣзней и даже вырожденія.

Совѣтъ Братства.